

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

**ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА ИСТОРИИ И ПРАВА**

**Трансформация политического режима в Португалии: от
крушения диктатуры к консолидированной демократии
(1960-2024 гг.)**

**Выпускная квалификационная работа
По направлению 44.04.01 Педагогическое образование
Направленность программы магистратуры
«Современное социально-историческое образование»
Форма обучения очная**

Проверка на объём заимствований:
97,71 % авторского текста

Работа рецензирована к защите
«27» мая 2025 г.

и.о. зав.кафедрой Истории и права
Н.В. Коршунова Коршунова Н.В.

Выполнил:
Студент группы
ОФ – 224-269-2-1
Гумарев Сергей Павлович

Научный руководитель:
д.и.н., профессор
Л.В. Никитин Никитин Л.В.

**Челябинск
2025**

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Падение диктатуры «Нового государства» и первые шаги к демократии.....	17
1.1. Идеологические основы режима А. Салазара и М. Каэтану.....	17
1.2. «Революция гвоздик» 1974 г. и крушение политического режима «Нового государства».....	34
1.3. Начало и оформление процесса европейской интеграции Португалии в 1976–1986 гг.....	43
Глава II. Демократическая трансформация и консолидация: анализ политической ситуации в Португалии после вступления в ЕС.	61
2.1. Институциональные реформы как основа парламентской республики в Португалии.....	61
2.2. Экономические и социальные преобразования в стране.....	74
2.3. Электоральная динамика в Португалии на основе результатов парламентских и президентских выборов (1987-2024 гг.).....	85
Заключение	100
Список использованных источников	104
Приложение	114

Введение

В современном мире в условиях трансформации глобального миропорядка режимные трансформации стали предметом научных дискуссий: возникают всевозможные вопросы о том, по какому «политическому пути» должна пойти страна, какие механизмы взаимодействия с народом должны быть выбраны политическими лидерами, какая форма политического режима будет устраивать как политические элиты, так и подавляющее большинство населения. Помимо всего прочего, решается вопрос о том, какое направление общественного развития выбирает функционирующий политический режим: реформаторское, стагнационное или антиреформаторское (регрессивное). Всё это определяет уровень дискуссии вокруг современного состояния и трансформации функционирующих ныне политических режимов.

Британская компания Economist Intelligence Unit ежегодно проводит политический замер, на основе которого публикует рейтинг глобальных демократий мира, именуемый «Индексом демократии» [78]. На сегодняшний день около 70 стран относятся к совершенным или несовершенным демократиям. Это свидетельствует о том, что из 193 государств-членов Организации Объединённых Наций даже половина не является таковыми.

Важно подчеркнуть, что формирование демократического мира является незавершённым процессом, начало которому было положено в конце XVIII – начале XIX вв., когда началось постепенное ослабление монархических режимов, сопровождающееся либерализацией законодательства и расширением круга гражданских прав (в частности, впервые появляется идея о всеобщем избирательном праве).

Дальнейшие исторические события, которые ознаменовали постепенную режимную трансформацию от авторитарно-монархической властной модели, были оформлены выдающимся американским философом, политологом и обществоведом Сэмюэлем Хантингтоном в

теорию «волн демократизации» [65, с. 122]. Сущностным содержанием идеи Хантингтона стала динамичная (но с характерной ей цикличностью) смена политических режимов в государствах, в которых к власти приходили демократические силы (с точки зрения политической структуры это могли быть и гибридные режимы, которые проводили институциональные преобразования, завершающиеся в дальнейшем постепенной демократизацией). Нельзя не упомянуть, что теория содержит в себе два ключевых понятия: «подъём» и «откат», которые позволяют определить характерные черты формирующихся режимов с точки зрения основных критериев, выделенных автором.

Исторически обусловлена концепция о трёх волнах, постепенно сменявшихся тремя откатами. Основываясь на концепции С. Хантингтона дадим характеристику трём ключевым волнам [65, с. 29]:

1. Первая волна (1828 – 1926 гг.) характеризовалась вовлечением широких масс в политические дела, постепенной либерализацией избирательного и трудового законодательства, увеличением прав национальных меньшинств, складыванием системы тайного голосования. Ключевыми странами в рамках первой волны оказались США, Франция, Великобритания, Италия, Российская империя.

2. Вторая волна (1943 – 1962 гг.) характеризовалась крушением колониальных империй, формированием системы всеобщего избирательного права, постепенным приходом к власти демократических правительств на тех континентах, на которых ранее демократии никогда не существовали. Ключевыми странами в рамках второй волны оказались ФРГ, Япония, Турция, Уругвай.

3. Третья волна (1974 – 1991 гг.) характеризовалась отходом от коллективистских идей, внедрением устойчивых демократических институтов, падением многочисленных военных автократий и коммунистических диктатур по всему миру. Ключевыми странами в

рамках третьей волны оказались Португалия, Испания, Греция, СССР, Аргентина, Чили, Бразилия.

По мнению испанского исследователя Рубена Домингеса Мендеса, третья волна демократизации оказалась самой «продуктивной» с точки зрения количества сформировавшихся демократических политических режимов, в которых произошла серьёзная трансформация (на всех уровнях: политическом, элитном, институциональном, экономическом), которая в дальнейшем позволила большинству государств в рамках отката не вернуться к авторитаризму [34, с. 225]. Одним из ключевых примеров такой страны стала Республика Португалия.

Португальский «кейс» интересен с точки зрения ряда факторов как исторического характера, так и политического:

1. Португалия стала единственной европейской страной в XX в., в которой авторитарный режим (режим «Нового государства» А. Салазара и М. Каэтану) удерживался у власти более 40 лет, умело варьируя между либеральными демократиями и фашистскими диктатурами, при этом, сохраняя неизменный характер политической структуры;

2. Крушение авторитарного политического режима в Португалии сопровождалось длительной постреволюционной трансформацией, которая стала переходным этапом между фашизмом (корпоративного типа) – коммунизмом – социализмом – либерализмом. Однако именно либеральные идеи стали определяющими и основополагающими в дальнейшей исторической парадигме развития страны (в конце XX – начале XXI вв.);

3. События весны 1974 г. в Португалии выделяются С. Хантингтоном как ключевой предпосылкой для начала общемировой (третьей по счёту) волны демократизации [65, с. 201].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления процессов политической трансформации в странах, прошедших путь от авторитаризма к устойчивым демократическим

институтам. В условиях современной глобальной политической нестабильности, где на фоне экономических, миграционных и институциональных кризисов усиливаются центробежные тенденции, растёт популярность ультраправых популистов, а уровень доверия к демократическим процедурам значительно снижается, особую ценность приобретает изучение исторически завершённых и институционально устойчивых «кейсов демократизации», к которым следует причислить и Португалию. Португальский опыт демонстрирует уникальный пример успешного демонтажа авторитарного политического режима «Нового государства» (1960-1974 гг.) и постепенного становления полноценной либеральной демократии консолидированного типа, которая прошла путь от революционного перехода (1974-1976 гг.) к институциональной консолидации и интеграции в надгосударственные структуры, в частности в Европейский союз (1976-1986 гг.). И по сей день страна успешно продолжает функционировать в русле тех преобразований, которые были заложены в постреволюционный период политической трансформации (1986-2024 гг.).

Сравнительный анализ показывает, что начальный этап трансформации политической системы Португалии в 1970-е гг. содержит большое количество параллелей с рядом современных политических реалий государств, которые находятся в стадии институционального перехода или застывшего авторитаризма. Однако стоит отметить, что важным аспектом является то, каким образом происходит дальнейшая эволюция политического режима после завершающей фазы первоначальной либерализации.

Период истории Португалии с 1986 по 2024 гг. позволяет нам исследовать внутренние механизмы демократической консолидации, выявить устойчивость институтов в условиях смены политических элит, а также определить влияние внешнеполитических факторов — прежде всего, членства в Европейской союзе — на стабилизацию и

институционализацию демократии. При этом, особое внимание заслуживает изучение трансформации политической культуры, роли гражданского общества и механизмов правового государства, формирующихся в поставторитарный период.

Наиболее удачной иллюстрацией данного перечня явлений можно считать электоральную динамику в стране, которая, формально, является институционально стабильной. Всё это делает анализ политического развития Португалии не только исторически значимым, но и методологически полезным для оценки потенциала демократизации в странах, сталкивающихся с кризисами легитимности и институциональной слабостью, что отражает *новизну представленного исследования*.

Целью данного исследования является комплексный анализ институциональных изменений в Республике Португалия и определение их роли в формировании консолидированной демократии, в период с 1960 по 2024 гг. Из поставленной цели вытекают следующие *задачи*:

1. Рассмотреть идеологические основы режима «Нового государства» в контексте первопричин крушения авторитарной диктатуры А. Салазара – М. Каэтану;
2. Определить степень влияния «Революции гвоздик» 1974 г. на направление трансформации политического режима в Португалии;
3. Проследить специфику процесса европейской интеграции Португалии с последующим вступлением страны в Европейский союз в 1986 г.;
4. Проанализировать роль институциональных реформ в Португалии в качестве основы формирования консолидированной демократии;
5. Исследовать экономические и социальные преобразования в Португалии в рамках общего реформирования политического режима;

б. Выявить основные тенденции электоральной динамики в Португалии на выборах трёх уровней (парламентские, президентские, выборы в Европейский парламент) с 1987 – по 2024 гг.

Объектом исследования является политический режим в Португалии в 1960–2024 гг. *Предметом исследования* является процесс трансформации политического режима в Португалии.

Хронологические рамки исследования: 1960–2024 гг. Нижняя граница – 1960 г. («Год Африки» и начало борьбы португальских колоний за свою независимость). Верхняя граница – 2024 г. (50-летие со дня «Революции гвоздик» и проведение ключевых парламентских выборов, следствием которых стал приход к власти социал-демократов и нарушение двухпартийного баланса). *Территориальные рамки исследования:* территория Португальской республики, включая её колониальные владения (Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау, Восточный Тимор, Острова Зелёного Мыса, Сан-Томе и Принсипи, Гоа, Даман и Диу).

Методологическая основа представленного исследования опирается на комплексный междисциплинарный подход, обеспечивающий всестороннее изучение процессов трансформации политического режима в Португалии в период с 1960 по 2024 гг. В исследовании используются как принципы историзма и системного анализа, так и сравнительно-политологический метод, позволивший выявить устойчивые тенденции демократизации в контексте концепции С. Хантингтона о «волнах демократизации». Существенное внимание было уделено эмпирическим данным: в частности, проведён детальный анализ электоральной статистики, охватывающей избирательные циклы с 1987 по 2024 гг., что позволило проследить динамику электоральных предпочтений, степень участия граждан в выборах и институциональные сдвиги в партийной системе. Подобное сочетание методов обеспечило возможность выявления причинно-следственных связей между падением авторитарного режима и становлением консолидированной демократии в Португалии.

Источниковая база настоящего диссертационного исследования охватывает широкий и многоплановый спектр документов, включающих в себя как нормативно-правовые акты Португальской Республики, так и мемуарную, дипломатическую и публицистическую литературу, что позволило воспроизвести комплексную картину политической трансформации Португалии в 1960–2024 гг. Одной из ключевых групп источников выступают конституционные и законодательные акты, среди которых особое значение имеют Конституции Республики Португалия 1933 и 1976 гг., Гражданский кодекс 1966 г., Закон об административной процедуре 1991 г., а также Реформа судебной карты 2014 г. Эти документы позволяют не только реконструировать институциональные изменения, произошедшие в стране в результате перехода от авторитаризма к демократии, но и проследить эволюцию механизмов публичного управления и верховенства права на различных этапах политического развития.

Не менее значимой частью источниковой базы являются международные договоры и соглашения, такие как Маастрихтский договор 1992 г. и Единый европейский акт 1987 г., в которых зафиксированы ключевые вехи интеграции Португалии в европейское правовое и политическое пространство. Анализ этих документов позволил выявить постепенную адаптацию португальской политико-правовой системы к требованиям Европейского Союза, что, в свою очередь, способствовало углублению демократических практик и институциональной устойчивости страны по настоящее время. В качестве внешнеполитического контекста использовались и материалы ООН, в частности, доклад португальского правительства по ситуации в Анголе и Мозамбике (1962 г.), который позволил прояснить один из структурных факторов дестабилизации режима – колониальные войны и международное давление.

Особый пласт источников составляют тексты личного происхождения и публицистические материалы. Среди них важнейшими

являются мемуары и интервью ключевых политических фигур, таких как Антониу Салазар, Марселу Каэтану и Мариу Соареш, а также материалы зарубежной прессы, в частности, статьи в журнале «The New York Times», где представлены взгляды на португальскую автократию с позиций международного сообщества. Эти источники раскрывают внутреннюю логику политического мышления лидеров режима и его оппонентов, а также позволяют сопоставить восприятие событий как изнутри, так и извне.

Дополнительно к нормативно-правовым и источникам личного происхождения, важнейшее значение для эмпирической части диссертационного исследования имели официальные данные о выборах, проведённых в Португалии в период с 1987 по 2024 гг. В первую очередь, были детально проанализированы итоги парламентских выборов в Ассамблею Республики, президентских выборов, а также выборов в Европейский парламент. Эти сведения позволили отследить электоральную динамику, выявить трансформацию в партийной системе, степень участия граждан в политическом процессе и степень общественной поддержки различных политических сил в контексте демократического развития страны. Использование этих данных дало возможность оценить устойчивость демократических институтов на основе конкретных электоральных трендов, а также проанализировать эволюцию политических предпочтений населения на фоне социально-экономических изменений, европейской интеграции и общих изменений в общественно-политическом дискурсе. Таким образом, статистика выборов стала неотъемлемой частью источниковой базы, позволяющей наглядно проследить институциональную консолидацию демократии в Португалии. Исходя из всего вышеперечисленного, следует отметить, что источниковая база обеспечивает надёжную эмпирическую основу для анализа политических, правовых и социально-исторических изменений, изучаемых в рамках диссертационной работы.

К политическим, социальным и международным аспектам истории современной Португалии обращались как отечественные, так и зарубежные исследователи. Формирование и эволюция политической системы страны в постреволюционный период рассмотрены в работах Н.М. Яковлевой, Е.Б. Павловой и М.И. Сигачёва, уделивших внимание роли партий, институтов гражданского общества в трансформации режима, а также особенностям португальской модели консолидированной демократии. Значительный вклад в исследование идеологии «Нового государства» внесли Г.И. Кутырев и М.А. Шепелев, акцентировавшие внимание на механизмах авторитарного контроля и политической традиции. Крупные историографические и концептуальные обзоры модернизационных процессов в Португалии, особенно в контексте европейской интеграции, представлены в трудах О.И. Варьяша, А.К. Полякова и Р.М. Капланова.

Вопросы постколониальной политики и международных последствий «Революции гвоздик» активно анализировались А.М. Хазановым, В.Л. Шейнисом и О.К. Игнатьевым, уделившими внимание как войнам за независимость в Африке, так и постепенному крушению последней колониальной империи Европы. М.А. Петров и Е.В. Старостина рассматривали переход от авторитаризма к демократии в Португалии в сравнительно-политологической перспективе, отметив особую роль исторической памяти в свете сегодняшних дней. Проблема партийной трансформации, электоральных последствий и институтов парламентской демократии нашла отражение в работах А.С. Кошеля, М.А. Завадской и В.Т. Ермакова. Также интересны исследования зарубежных учёных Л. Варелы и М.А. Суареса, осмысляющих культурно-политические и общественные последствия революции с точки зрения внутренней португальской историографической традиции.

Одним из значимых направлений в современной португалистике остаётся интерпретация событий, связанных с «Революцией гвоздик» 1974

г., что находит своё отражение в работе Л. Варелы. В представленной статье автор уделяет особое внимание разноплановым трактовкам причин и значения Апрельской революции в контексте как внутреннего кризиса авторитарного политического режима, так и внешнеполитических вызовов, в частности, нарастание интереса к стране со стороны СССР и США. Варела отмечает, что как в португальской, так и в зарубежной историографии существуют разногласия относительно оценки роли вооружённых сил и характера мобилизации гражданского общества [17]. Сама революция, по мнению автора, выступает не только как поворотный момент в национальной истории, но и как предмет борьбы за символическое наследие между различными политическими и идеологическими лагерями (правым и левым). Это позволяет сделать вывод о важности ретроспективного взгляда на механизмы смены недемократических политических режимов и необходимость рассмотрения социокультурных факторов в вопросе политических трансформаций.

Существенный вклад в осмысление предпосылок кризиса «Нового государства» в 1960–1970-е гг. вносит исследование российского историка Рашида Муратовича Капанова, сосредоточенное на анализе внутривнутриполитических процессов, происходивших в Португалии после окончания Второй мировой войны. Автор детально рассматривает специфику португальской автократии, указывая на постепенное нарастание социально-экономического кризиса, усиливающийся разрыв между модернизирующимися секторами общества и архаичной моделью управления, которая была сформирована Антониу Салазаром [29, с. 163]. Особый акцент Рашидом Муратовичем сделан на политике Марселу Каэтану (которого в конце 1990-х гг. стали называть «португальским Горбачёвым»), чьи попытки либерализовать систему оказались половинчатыми и довольно противоречивыми. Именно это, согласно Капанову, стало одной из фундаментальных причин, которая привела режим к потере своей устойчивости и, в конечном счёте, предопределило

его падение в 1974 г. Таким образом, исследование поднимает вопрос о структурной негибкости авторитарных режимов перед лицом необходимости институциональных реформ.

Историческая ретроспектива оппозиционного движения в годы диктатуры представлена в фундаментальном исследовании португальского историка И. Флунсера Пиментеля, посвящённом различным формам сопротивления режиму Салазара с 1926 по 1974 гг. [74, с. 100]. Особый интерес для анализа португальской истории представляет не столько сам перечень организаций или персоналий, участвовавших в антидиктаторской борьбе, сколько внимательное рассмотрение механизмов, с помощью которых происходило сохранение коллективной памяти об этих событиях в эпоху консолидированной демократии. Пиментель демонстрирует, что политическая оппозиция, несмотря на периоды репрессий и разобщённости, сформировала интеллектуальное и нравственное основание для последующих реформ [74, с. 305]. Таким образом, книга становится значимым историографическим ориентиром, позволяющим проследить, как прошлое сопротивления диктатуре было интегрировано в современную политическую идентичность Португалии и её демократические нарративы.

К числу значимых научных изысканий, позволяющих провести сопоставительный анализ политических трансформаций на Пиренейском полуострове, можно отнести диссертационное исследование М.А. Петрова, несмотря на то, что в центре его исследования находится опыт Испании (именно Испания следующей, после Португалии, страной в русле демократической трансформации). Применяя сравнительно-политологический метод, автор выявляет общие закономерности перехода от авторитаризма к демократии, актуальные и для Португалии. В частности, подчёркивается роль межэлитных соглашений в обеспечении управляемого перехода. Значительный интерес представляет и анализ фазы консолидации демократии, в котором М.А. Петров рассматривает

критерии устойчивости новых политических институтов: наличие эффективной партийной системы (с его характерной чертой – политическим плюрализмом), независимости судебной власти и гражданской вовлечённости [41, с. 99]. В этой связи, важно отметить, что работа Петрова предоставляет серьёзную теоретико-методологическую базу, применимую к исследованию постреволюционного развития Португалии.

Автореферат диссертации Гильермо Гомеша представляет собой краткий, но довольно насыщенный анализ политических преобразований, произошедших в Португалии в первые два года после революции 1974 г. Несмотря на ограниченный объём, работа характеризуется высокой концентрацией аналитических суждений, особенно, в части институциональной трансформации и формирования законодательной базы страны в поставторитарный период. Гомеш обращает внимание на то, что политическая архитектура, выстроенная в период 1974–1976 гг., продолжает определять структуру португальской государственности вплоть до наших дней. Рассматривая процесс формирования новой Конституции 1976 г., роль временных правительств и деятельность Учредительного собрания, автор подчёркивает, что именно эти аспекты стали фундаментом для дальнейшей стабильности [19, с. 16]. Работа становится важным элементом историографического поля, в котором процессы демократизации 1970-х гг. соотносятся с контекстом устойчивого развития Португалии в настоящее время.

Особое значение для оценки долговременных последствий Апрельской революции представляет статья сотрудницы Центра иберийских исследований Института Латинской Америки РАН Натальи Михайловны Яковлевой, в которой предпринимается попытка осмысления исторической памяти и символического значения революции в современной Португалии. Автор акцентирует внимание на том, каким образом нарративы, связанные с «Революцией гвоздик», функционируют в

общественно-политическом дискурсе спустя десятилетия после её завершения [69, с. 159]. Центральной проблематикой исследования становится соотношение между сохранением революционных ценностей и вызовами нового времени — в частности, на фоне европейской интеграции, экономических кризисов и трансформации партийной системы (в условиях нарушения «двухпартийного баланса»). Наталья Михайловна подчёркивает, - что «революция остаётся фактором политической мобилизации, но её значение всё больше переосмысливается сквозь призму современных социальных вызовов, в том числе растущего евроскептицизма и политического отчуждения» [69, с. 156].

Зарубежная историография, охватывающая современный этап развития Португалии (с начала XXI в. до 2024 г.), демонстрирует устойчивый интерес как к институциональным аспектам функционирования португальской демократии, так и к переосмыслению авторитарного прошлого и процессов его преодоления. Приведённые ниже исследования позволяют проследить, каким образом интерпретируются ключевые векторы политической и исторической эволюции страны в зарубежной науке, включая современные вызовы внутри Евросоюза и рост ультраправых настроений, которые, в частности, основываются на призывах к консервативному прошлому.

В коллективном труде С. Фернандеша и И. Карвальяиша уделяется внимание проблеме евроскептицизма в государствах ЕС, среди которых есть и Португалия. Авторы подчёркивают, что, несмотря на структурные экономические трудности, а также кризис доверия к институту выборов Португалия остаётся одной из наименее склонных к евроскептическим настроениям стран [73, с. 54]. Такая особенность, как следует из анализа, коренится не только в прагматизме политических элит, но и в устойчивом общественном консенсусе относительно ведущей роли Евросоюза как фактора модернизации и политической стабильности. В контексте историографии начала XXI века данная работа предлагает ценный взгляд

на специфику интеграционного мышления, сформированного в португальском обществе в результате долгосрочной поставторитатной трансформации.

Завершая историографический обзор, следует подчеркнуть, что в последние годы наблюдается возрастание интереса к проблеме исторической преемственности и трансформации памяти о революции и диктатуре в условиях цифровизации, глобализации и изменения политической культуры. Современные публикации анализируют не только архивные и документальные источники, но и медиaprостранство. Такой подход позволяет рассматривать политическую трансформацию Португалии не как завершенный акт, а как продолжающийся процесс, в котором сталкиваются традиции, реформы и новые глобальные вызовы европейской демократии.

Глава I. Падение диктатуры «Нового государства» и первые шаги к демократии

1.1. Идеологические основы режима А. Салазара и М. Каэтану

После 16-летнего периода в истории Португалии, который получил название «Первая республика», в стране наступила черед военных переворотов, по завершении которых в государстве установится один из самых продолжительных и специфических авторитарных политических режимов в Европе. Именно политическая нестабильность и неспособность власти решить накопившиеся проблемы во всех сферах общественной жизни стали важной предпосылкой для того, чтобы в Португалии появилась «твёрдая рука», способная авторитарными методами преодолеть нестабильность.

Всё вышперечисленное обусловило укрепление авторитарных тенденций в дальнейшей системе управления государством, поскольку именно «жесткая рука» и крепкая власть были способны справиться с накопившимися проблемами. С этого момента, основные и руководящие посты во всех органах государственной власти заняли представители военных кругов. К концу 1926 г. начали активно нарастать попытки свергнуть установившийся политический режим, в основном, они осуществлялись из-за рубежа и при поддержке зарубежных государств – Великобритании, Франции и США. Попытки переворота предпринимали и левые республиканцы, и радикалы, активно ведущие подпольную деятельность. Однако такое положение дел требовало решительного ответа от власти: усилились репрессии, преследования, мятежники были сосланы на остров Тимор.

В марте 1928 г. в Португалии были официально назначены выборы президента государства, единственным кандидатом на которых стал генерал Ошкар Кармона (следует отметить, что в Португалии на протяжении 30 лет выборы президента республики будут безальтернативными). В выборах приняли участие порядка 760 тысяч

избирателей, что практически в два раза превышало количество проголосовавших на выборах в парламент в 1925 г. С этого момента в стране была официально узаконена власть президента Кармоны, который к началу своего правления обладал, практически, безграничными полномочиями.

Первоочередной задачей перед новым правительством стала необходимость экономической стабилизации и выхода из затянувшегося кризиса. Важной проблемой оказалось то, что инфляцию и коррупцию в стране никак не удавалось побороть. И единственным шагом, по мнению действующего министра финансов Синела де Кордеша, было привлечение крупного международного займа. Однако против этой инициативы в ряде газетных статей выступил профессор экономики и финансов Антониу ди Оливейра Салазар (1889-1970). Такая позиция вызывала общественную поддержку и привела к тому, что в 1928 г. президент Кармона выдвинул приглашение А. Салазару на должность финансового министра (следует отметить, что он уже занимал данный пост на протяжении нескольких месяцев в 1926 г.). Важным обстоятельством стало и то, что правительство генерала Ошкара Кармоны Салазар поставило перед профессором Салазаром чёткую задачу – экономическую стабилизацию, что сопровождалось и предоставлением ему чрезвычайных полномочий в области финансов. Впоследствии, в высших кругах Салазара прозвучит «финансовый диктатор».

Первоначальные реформы, проводимые министром финансов, затрагивали такие сферы, как: кредитную, налоговую и бюджетную. Как считает исследователь И. Флунсер Пиментел, рычагами, способствующими вывести экономику из кризиса, были ужесточение трудовой дисциплины и снижение бюджетных расходов, чтобы избавить государственный бюджет от долговых обязательств. Были установлены жёсткие нормы сокращения расходов, выполнение которых министр контролировал через подотчётные ему структуры. К концу 1929 г.

отметился первый успех – практически полностью исчез дефицит бюджета, который сохранялся в Португалии около 20 лет.

Экономическая стабильность заложила важный фундамент для восстановления и перехода к активному развитию экономики. Салазар начал активно совмещать рыночную экономику с государственным регулированием. На протяжении всего периода существования «Нового государства» это черта будет характеризовать экономику Португалии: частная собственность на предприятия и компании сохранялась, однако руководители и владельцы должны были ставить в известность государственные органы контроля и надзора о проводимых изменениях. Принятие различных самостоятельных серьёзных шагов в сфере производства жёстко пресекалось со стороны государства.

Постепенное регулирование Антониу Салазаром всех вопросов в государственной жизни постепенно усиливало его власть, ставило в зависимость других министров португальского кабинета, что отражало «салазаризм», как определённый политический стиль управления, о котором пишет учёный М. Шепелев [67, с. 70]. Экономическая стабилизация, а затем и наметившийся в 1930-1931 гг. рост ВВП на 2,3% добавили Салазару популярности как среди правящих кругов, так и среди городского населения и деловых кругов. В 1930 г. по инициативе министра финансов и при поддержке президента была создана политическая партия «Национальный союз», носившая глубоко консервативную идеологию и корпоративные ценности. Председателем партии, разумеется, был избран ей основатель А. Салазар, что лишь усилит его роль в государственной жизни. В июле 1932 г. с подачи президента Кармоны действующий премьер-министр Домингуш Оливейра уйдёт в отставку, а новым кандидатом на этот пост станет как раз-таки уже не просто министр финансов, а председатель «Национального союза» (União Nacional) Антониу де Оливейра Салазар.

Все вышеперечисленное позволило в достаточной мере сформировать сильный государственный аппарат и закрепить механизмы регулирования различных социально-политических процессов. Отсюда следует, что следующим важным шагом, после экономической стабилизации, стало закрепление власти законно избранных органов государственной власти (парламента и правительства) и отход от «чрезвычайного правления», установленного ранее. Для определения дальнейшей судьбы и устройства политического режима в Португалии 19 марта 1933 г. был проведён конституционный референдум.

Правительство во главе с А. Салазаром с 1930 по 1933 активно разрабатывало проект конституционного референдума, вынесенного на голосование перед гражданами страны. Именно на этом референдуме женщины впервые получили избирательно право (важно отметить, что для женщин вводился образовательный ценз – наличие среднего специального образования, тогда как мужчинам для подачи голоса следовало уметь читать и писать). Основной вопрос, который был вынесен на референдум – принятие новой конституции, которая устанавливала режим Нового корпоративного государства. По мнению многих исследователей, в частности, М.А. Завадской, голоса граждан, проголосовавших в графе «воздерживаюсь», отнесли к тем, кто проголосовал «за», таких насчитывалось порядка 488840 голосов [22, с. 129]. По официальным данным за проект конституции проголосовало 99,52% избирателей (1292684 тыс. голосов) при явке 97,70%, тогда как против проекта выступили 0,48% избирателей (6190 голосов). Это стало одним из первых проявлений авторитарных тенденций во внутренней политике Португалии.

После проведения референдума, формально, полностью прекратил своё существование режим военной диктатуры. Генерал О. Кармона был полностью лишён чрезвычайных полномочий (несмотря на то, что остался у власти), а всю полноту власти сосредоточил в своих руках премьер-министр А. Салазар. Принятая конституция Португалии провозгласила

страну «унитарной и корпоративной республикой, основанной на равенстве граждан перед законом» [5]. Впервые в истории официально постулировался тезис о корпоративном государстве. В случае с Португалией, важно отметить, что под корпоративным государством следует понимать такую форму правления, при которой государство является большой корпорацией, которая обслуживает не только интересы всего общества, но и интересы государства в целом. А государственная власть призвана осуществлять регулирование частных и общественных организаций в экономике, а также создавать механизмы общественной солидарности для того, чтобы преодолеть классовые противоречия в условиях рыночной экономики.

Главенствующие и первоочередные принципы организации и деятельности режима корпоративного государства в экономической сфере жизни общества содержались в «Национальном трудовом уставе» (*Carta nacional do trabalho*), который был принят, также как и Конституция – в 1933 г. В уставе было зафиксировано, что «собственность, капитал и труд выполняют социальную роль в режиме экономического сотрудничества и солидарности». Отменялся принцип классовой борьбы, запрещались негосударственные профсоюзы и забастовочные движения.

В стране официально провозглашался принцип разделения властей:

1. Исполнительная власть – правительство (*Governo de Portugal*), состоящее из председателя, министров, государственных секретарей и их заместителей (находилось в полном подчинении главы государства);
2. Законодательная власть – Национальное собрание (*Assembleia Nacional*), депутаты которого избирались всеобщим прямым голосованием сроком на 4 года, однако существовала ещё и Корпоративная палата (представляла интересы отдельных небольших групп населения и имела консультативные функции);

3. Судебная власть – Конституционный суд (*Corte Constitucional*), призванный охранять и защищать интересы и постулаты принятой в 1933 г. Конституции республики.

По мнению ряда исследователей, среди которых португальский историк и журналист Жозе Сарайва, особая роль в политическом режиме отводилась фигуре президента республики (отмечается, что президент представлял «четвёртую» ветвь власти в Португалии) [48, с. 54]. Президент избирался сроком на 7 лет и, формально, обладал достаточно обширными полномочиями, которые были задекларированы лишь номинально. Все решения главы государства, которые он принимал самостоятельно, для вступления в законную силу, утверждались председателем правительства. Это свидетельствует о том, что не у президента было право контроля над премьер-министром, а наоборот – президент оказывался подотчётен премьер-министру. Несмотря на это, у президента имелось монопольное право на то, чтобы отправить в отставку премьер-министра, однако, ни один из президентов за весь период правления А. Салазара не воспользовались этим правом (О. Кармона, Ф. Лопиш, А. Томаш).

Помимо политических особенностей режима Нового государства, следует выделить и особенности регулирования отношений между отдельными индивидами (что относилось к прямому ведению государства и органов государственной власти). Первая глава конституции провозглашала такую триаду, как «Бог, Отечество и Семья» (*Deus, Pátria e Família*). Формально, государство провозглашало приверженность традиционализму и стремление подчинить семью и церковь интересам государства. Иными словами, пишет Г.И. Кутырев, - «Семья не может существовать вне церкви и государства, также как и церковь не может существовать без семьи и государства» [33, с. 202]. Закрепление данного принципа на практике лишь усилило тенденции к авторитаризму – жёсткий надзор за семейными ценностями и моральными устоями, а также

преследование всех, кто не согласен с данными положениями конституции.

На политической арене не просто доминирующее, но и монопольное право заняла партия А. Салазара «Национальный союз». Формально, другие партии не были запрещены, однако они либо не были официально зарегистрированы, либо не допускались до выборов. Только Национальному союзу было позволено участвовать в выборах в Национальное собрание, поэтому, исключительно представители этой партии получали мандаты в органах законодательной власти. Центральную комиссию партии возглавлял премьер-министр государства, что, фактически, свидетельствует о сращивании партийного и государственного аппаратов.

Важно отметить и роль католической церкви в управлении делами государства. В 1940 г. Португалией был заключён конкордат с Ватиканом, признающий главенство римской католической церкви над всеми религиозными организациями республики. За церковью было закреплено всё имущество, находившееся в её руках, а также было дано право свободно совершать религиозные обряды. В 1941 г. Папа Римский Пий XII издаёт энциклику, постулирующую положения конкордата и официально признающий гражданскую власть церковных браков в стране [10]. С этого момента, можно отметить, что католическая церковь превращается в один из инструментов идеологической опоры режима. Н.М. Поташинская говорит о том, - что «подобное усиление религиозного взаимодействия между Ватиканом и Португалией свидетельствует об авторитарном характере политического режима в Португалии, поскольку для подобного рода режимов свойственна опора на традиционные социальные институты» [46, с. 158].

Политическая оппозиция сложившемуся режиму «Нового государства» начнёт постепенно формироваться ещё в середине 1950-х гг. И важнейшим событием здесь следует выделить выдвижение кандидатуры

на президентских выборах в Португалии 1958 генералом Умберту Делгаду, который впоследствии станет одним из неформальных лидеров португальской оппозиции. По итогам выборов, Делгаду будет поддержан лишь 25% проголосовавших португальцев (по официальным данным, обнародованным позже, итоги президентских выборов 1958 г. были сфальсифицированы) [14]. Впоследствии, Умберту Делгаду на протяжении 7 лет будет одним из самых главных оппозиционных критиков режима Салазара. Долгое время Делгаду проживал на территории Бразилии, а затем Алжира, получившего независимость от Франции.

Количество оппозиционно настроенных граждан с каждым годом росло всё больше и больше. Причиной этому, важно заметить, станут не только начавшиеся колониальная война и постепенно усиливающийся экономический кризис в стране, но и нараставшее противостояние между «старой» и «новой» элитами, которые, в первую очередь, входили в состав правящего Национального союза. Партийные чиновники, активно вступившие в ряды партии в 1940–1950-е гг. совершенно не имели для себя перспектив, поскольку все главенствующие роли и должности по-прежнему занимали выходы «салазаровского кабинета» начала 1930-х гг. Подобного рода безысходность заставила выступить в противоречия с действующим правительством (по большей степени, оно носило исключительно скрытый характер). Основной движущей силой противоборствующих слоёв населения стали бывшие военные, будучи уже гражданскими, а также оппозиционно настроенные представители католической церкви.

По мнению А.К. Полякова, движущей силой оппозиционных выступлений в Португалии в 1960-е гг. стали именно представители военной среды [43, с. 370]. Исследователь объясняет это тем, что усиливающееся военное противостояние Португалии со своими колониями вызывало ряд недовольств со стороны военных. Основными претензиями, которые выдвигали военные в адрес кабинета А. Салазара, стало нецелевое

расходование бюджетных средств, выделяемых на военные действия, «старение» офицерского корпуса, который не менялся на протяжении порядка 30 лет, а также стремление активно встраиваться в структуру Северо-Атлантической военной интеграции в рамках НАТО (Португалия состояла в альянсе с 1949 г.). Несмотря на то, что номинальное положение жителей колоний было совершенствовано принятием Гражданского кодекса в 1966 г., изменения остались лишь на бумаге [1]. Именно поэтому все решительные действия и выступления против правительства в 1960-1970-е гг. будут связаны с действиями военных.

Во время деятельности А. Салазара на посту премьер-министра Португалия представляла из себя достаточно небольшую страну в европейском масштабе. Однако следует учитывать, что страна обладала огромными колониальными владениями, которые были открыты португальскими мореплавателями ещё в XIV-XVI вв. [32, с. 54]. Основные колонии республики располагались, преимущественно, в Африке – Ангола, Гвинея-Бисау, Мозамбик, Дагомея и Кабинда. Помимо этого, в состав страны входили островные территории в Атлантическом океане – Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи, острова Зелёного мыса. И следует отметить небольшие владения в Азии – Даман и Диу в Индии, Восточный Тимор и Макао (Приложение 2). Такое количество владений требовало не только огромных финансовых вливаний на их содержание, но и наличие разветвлённого бюрократического аппарата управления, задачей которого было поддержание общественного порядка.

После Второй мировой войны крупнейшие европейские «колониальные империи» потряс процесс деколонизации, который сопровождался дарованием независимости бывшим колониальным владениям. В 1946 г. многие страны-члены ООН настояли на включение в Устав организации официальной декларации, которая провозглашала право всех народов на политическое самоопределение. Однако такое

положение дел не устраивало португальскую элиту и, в частности, премьер-министра Салазара.

Решением Национальной ассамблеи в 1951 г. был издан конституционный закон, который, формально, позволял обойти ограничение, установленное декларацией ООН. В законе было чётко прописано, что метрополия и заморские владения составляют единое целое государство на трёх континентах – в Европе, Африке и Азии, о чём португальские представители неоднократно заявляли с трибуны Генеральной Ассамблеи [8]. В Анголе и Мозамбике были созданы специальные законодательные органы власти – законодательные советы, полномочия которых были в значительной степени урезаны. По мнению А.М. Хазанова, колониальные владения Португалии полностью были лишены какой-либо автономии (за исключением Анголы и Мозамбика), что в дальнейшем лишь подтолкнёт их на вооружённую борьбу против режима Нового государства [62, с. 105]. С этого момента все колониальные территории получили статус «португальских заморских провинций», а возможность их выхода из состава республики была сведена к минимуму.

В начале 1950-х гг. португальскими властями была сформулирована концепция по взаимодействию с «заморскими провинциями», которая получила название «лузо-тропикализм». Под лузо-тропикализмом следует понимать концепцию, в соответствии с которой португальцы, лишённые расовых предрассудков, в отличие от других европейцев, приобщают народы своих колоний к достижениям цивилизации. Однако при этом, исходя из официальной позиции португальского правительства, задача колониальных властей заключалась в становлении гармоничной «расовой демократии», при сохранении традиций и особенностей культуры. Идеологи данной доктрины отсылались к существованию средневековой «лузитанской цивилизации», которая проживала на Пиренейском полуострове, а её характерной чертой считалась склонность к

взаимодействию и слиянию с другими культурами, без их подавления. Формально, впервые, доктрина лузо-тропикализма была описана в 1930-1950-х гг. в книгах бразильского социолога и антрополога Жилберту Фрейри.

Автор концепции лузо-тропикализма Ж. Фрейри считал, что португальская нация отличалась чуждым эгоцентризму миссионерским духом, а также готовностью смешиваться с представителями других народов, подстраиваться под их образ жизни [76, с. 258]. Благодаря португальцам в Африке, Южной Америке и Европе образовался единый лузотропический мир, который по своей сущности является однородным в социальном, психологическом и культурном аспектах. Однако при этом, как подмечает исследователь, португальская нация среди всех народов, безусловно, чтит и сохраняет свои неповторимые черты.

Впервые, в 1956 г. в Марокко состоялась конференция национально-освободительных движений в португальских колониях. На ней присутствовали представители Анголы, Мозамбика, Гвинеи, Восточного Тимора, представители территорий, располагавшихся в Индостане, а также представители оппозиционно настроенных португальцев (преимущественно, коммунистов). Уже с середины 1950-х гг. правительству Салазара стало понятно, что предстоит нелёгкая борьба с антиколониальными восстаниями, которые уже вот-вот начали проявляться в виде различных митингов и забастовок во всех, без исключения, колониях. Провозглашённый в 1960 г., по решению ООН, «Год Африки» лишь подтолкнул темнокожее население африканских колоний на борьбу против португальских колонизаторов [25, с. 181].

Начавшаяся антиколониальная борьба сопровождалась гибелью огромного количества мирных жителей, как белых, так и темнокожих. К концу 1960-х гг. Португалия сосредоточила в Африке крупнейший военный контингент: порядка 60 тысяч солдат в Анголе, 55 тысяч – в Мозамбике, а также около 30 тысяч военных на территории Гвинеи-Бисау.

Значительную роль в подавлении восстаний сыграла служба ПИДЕ. С помощью нескольких крупных операций, значимость которых отмечает О.К. Игнатъев, агентам ПИДЕ удалось ликвидировать двух крупных лидеров восставших колоний: 1969 г. – убит Эдуарду Мондлане (Мозамбик), 1973 г. – Амилкар Кабрал (Гвинея-Бисау) [26, с. 101]. Однако с каждым годом справляться с ситуацией португальской армии становилось всё труднее и труднее.

С начала 1970-х гг. как в самой республике, так и колониях совершались многочисленные террористические акты, организованные, преимущественно, антиколониальными движениями, либо же Коммунистической партией Португалии (лидер – Алвару Куньял). К 1967 – 1968 гг. в колониях удалось на некоторое время установить порядок: крупные города охранялись португальскими гарнизонами, во всех колониях работала служба ПИДЕ, партизанское движение пошло на спад. Помимо этого, в 1967 г. в Анголе началась добыча нефти, что стало важным притоком денежных средств в португальский бюджет. Но расходы на содержание армейских частей становились всё больше и больше, что вызывало падение ВВП до 5% в год, лишь усугубившее экономическую ситуацию в стране (данные приведены на основе исследования португальского учёного Пиреса Хименеса) [75, с. 330]. Значительная часть португальской молодёжи отказывалась идти в армию и избегала призыва, чтобы не попасть за тысячи километров, в Африку.

Кризисная ситуация в заморских владениях Португалии и подъём антиколониального движения в португальских колониях в Африке в конце 1960-х гг. стали важной предпосылкой для усиления антиправительственных настроений в самой Португалии. В условиях нарастающего внутривластного кризиса режиму А. Салазара необходимо было более мобильно и оперативно реагировать на изменяющиеся настроения граждан, о чём неоднократно писал и сам диктатор [12, с. 985]. Однако, со временем, репрессии лишь ужесточались,

а расходы на содержание армии, которая базировалась в Африке, лишь росли. Колониальная доктрина Португалии, которая долгое время являлась образцом для других колониальных держав, а также считалась своего рода скрепой общественного мнения, стала одной из самых болезненных проблем политического режима, подрывая его основные принципы и устои.

3 августа 1968 г. Португалии Антониу ди Оливейра Салазар (которому исполнилось уже 79 лет) во время отдыха в своей резиденции упал с шезлонга и ударился головой. И в конце месяца, после операции, выяснилось, что он получил обширное кровоизлияние в мозг, и, фактически, не мог больше исполнять какие-либо обязанности на государственных постах. На некоторое время, неформально, все основные полномочия в своих руках сосредоточил президент Америку Томаш, с подачи которого на должность нового премьер-министра был избран видный член Национального союза, профессор права и ректор Университета в Лиссабоне Марселу Каэтану (1906-1980). Однако важно отметить, что А. Салазар был ещё жив, и, чтобы скрыть от него информацию о снятии с поста премьер-министра по состоянию здоровья, для него была создана специальная обстановка, как и прежде: на совещания к нему ежемесячно являлись министры, каждый день он получал доклад о положении дел в стране. Помимо этого, для экс-премьера печаталась специальная газета, в которой полностью избегалось упоминание о М. Каэтану, занявшего пост нового премьер-министра Португалии после 36-летнего правления Салазара. 27 июля 1970 г. Антониу Салазар скончался в своём доме в возрасте 81 года [15].

Пришедший к власти профессор М. Каэтану сразу же осознал необходимость проведения преобразований после длительного периода «застоя» во всех сферах общественной жизни. В кругах интеллигенции новый премьер Португалии был известен как человек либеральных взглядов, который выступал за изменения в основах корпоративного

государства, построенного Салазаром. Впервые, будучи членом правительства А. Салазара, Каэтану выдвигал идею о необходимости федерализации Португалии. На своём первом выступлении перед Национальным собранием М. Каэтану заявил: «За долгий период страна привыкла к тому, что её возглавляет человек гениальный. Отныне и впредь она должна приспособливаться к правительствам, состоящим из обычных людей» [11, с. 19].

На одном из заседаний нового правительства Каэтану предложил использовать тезис «Обновление и преемственность» (*Renovação em continuidade*), чтобы придать реформам более оформленный характер. Иначе говоря, Каэтану стремился сохранить базовые принципы консервативного курса Португалии, но необходимо было частично обновить в либеральном ключе положение дел в стране. Такой настрой нового премьера лишь показывал, что преобразования станут «косметическими» и надежды португальской оппозиции останутся надеждами. В конце 1980-х гг. некоторые португальские учёные (в частности, Лоуреншу Амарал) используют словосочетание «Марселистская весна», характеризуя преобразования М. Каэтану в 1968–1974 гг. [70, с. 145]. Важно заметить, что это выражение было применено в годы «перестройки» СССР и, зачастую, лидера Португалии очень часто сравнивали с тогдашним Генеральным секретарём ЦК КПСС М.С. Горбачёвым.

Одним из первых решений М. Каэтану на посту премьер-министра Португалии стало формальное переименование некоторых социально значимых органов власти, созданных ещё Салазаром. Так, в 1968 г. премьер-министр впервые использовал выражение «социальное государство», хотя прежде, большинство лидеров страны подчёркнуто называли его корпоративным. Также, помимо этого, в феврале 1970 г. принято решение о переименовании единственной легально функционирующей партии «Национальный союз» в Национальное

народное действие (подчёркивалась исключительная связь партии с народом). Один из важнейших органов, охранявших безопасность режима, служба ПИДЕ (Международная полиция защиты государства) был переименована в Общую дирекцию безопасности, хотя, как верно заметил А.М. Хазанов, полномочия ПИДЕ по-прежнему оставались такими же властными и объёмными [63, с. 65]. В 1971 г., существовавшая в Португалии система «предварительной цензуры», и, соответствующее ей министерство, получили название «предварительная проверка». Всё это подчёркивает формальную сторону преобразований, без их сущностного характера.

В 1969 г., накануне очередных парламентских выборов, М. Каэтану намеренно вышел из Национального союза, подчёркивая отделение партийной принадлежности от государственного аппарата. В списки Национального союза на выборах попало около 25% молодых кандидатов-сторонников демократических преобразований в государственной жизни. Большинство из них были студентами профессора Марселу Каэтану, который ранее преподавал право в Лиссабонском Университете. Также, накануне выборов были даны определённые послабления в избирательном законодательстве – значительно снижены требования для создания партий и убрано положение «О соответствии идеям и духу корпоративизма в деятельности политических партий», что давало возможность созданию партий с альтернативной идеологией.

Но, выделив всё вышперечисленное, следует отметить политический курс, проводимый М. Каэтану по отношению к португальским колониям. Несмотря на то, что формально был провозглашён курс отхода от ряда прежних принципов, войны, которые вела Португалия в Мозамбике, Анголе и Гвинее были лишь продолжены правительством с новой силой. В 1972 г. заморские провинции республики (названные так при Салазаре) получили новый статус – «штатов», что лишь только обострило текущее противостояние. Это давало

дополнительные полномочия колониям, в том числе по вопросам бюджетного и налогового регулирования, однако, этого было уже недостаточно и повстанцы требовали только политической независимости от Португалии.

Всё вышеперечисленное сопровождалось жесточайшим экономическим кризисом, обострившимся осенью 1972 г. За период с 1972 по 1974 гг. годовые темпы инфляции в Португалии достигали 29%. Гибель большого количества португальских военных также не предавала поддержки правительству, а лишь вызывало гнев семей погибших солдат. С середины 1973 г. в стране создаются тайные политические кружки военных, которые вынашивали планы заговора. За границей активизировались оппозиционные силы, в частности, социалисты (М. Соареш) и коммунисты (А. Куньял). Практически все слои населения ожидали неминуемый крах диктаторского политического режима «Нового государства», который, формально, существовал с 1926 г.

Пришедшее к власти правительство не стремилось к коренной модернизации существующего политического режима, ограничиваясь лишь полумерами. Экономический, социальный, внешнеполитический курсы государственного управления осуществлялись в духе, присущем правительству А. Салазара. Португальский историк М. Ивани отмечает, что, - «пришедшим к власти правящим кругам в Португалии удалось сохранить «салазаризм без Салазара» [23, с. 269]. В стране по-прежнему доминировала одна партия, экономические и политические рычаги сохранялись в руках олигархов, репрессии и нарушение прав человека ненадолго замедлились, но затем усилились вновь. И всё это отягчалось продолжающимися колониальными войнами в Африке, которые и станут отправной точкой в «Революции гвоздик».

М. Каэтану всячески стремился оставить нетронутыми основы «Нового государства», осознавая, что без каких-либо изменений негативные настроения в обществе и кризисные явления будут только

усиливаться. Португальский политик-социалист Мариу Соареш заявил, что «стремления Каэтану к аккуратной перенастройке государственного, партийного и экономического механизмов были бы эффективны на 10-15 лет раньше, чем он пришёл». К концу правления М. Каэтану многие оппозиционные политики относили сложившийся в стране режим к фашистской диктатуре.

Таким образом, идеологические основы режима Антониу Салазара и Марселу Каэтану представляли собой сложное переплетение традиционализма, католицизма и корпоративизма, что нашло свое выражение в уникальной политической структуре, известной как «Новое государство» (Estado Novo). Этот режим стремился к созданию устойчивого и стабильного общества, где государство играло центральную роль в регулировании экономических и социальных отношений. Идеологически режим основывался на принципах антилиберализма и антикоммунизма, стремясь избежать крайностей как левых, так и правых радикалов. Важное место в идеологии занимало понятие органического государства, где все элементы общества должны функционировать как части единого организма, подчиняясь централизованному руководству во имя общего блага.

Кроме того, режим Салазара и Каэтану активно продвигал концепцию национальной идентичности, основанной на католических ценностях и традиционных патриархальных нормах. Важную роль в этом играло католическое образование и влияние церкви, которые считались ключевыми элементами в воспитании лояльных граждан. Корпоративистская модель экономики предполагала создание профессиональных корпораций, которые должны были заменить классовую борьбу мирным сотрудничеством между трудом и капиталом. Этот подход предполагал строгий контроль со стороны государства, что позволяло поддерживать стабильность, но одновременно ограничивало политические свободы и подавляло демократические институты. В

результате, несмотря на внешнюю стабильность, идеологические основы режима не смогли предотвратить рост недовольства и сопротивления, что в конечном итоге привело к революции 1974 г. и демонтажу «Нового государства».

1.2. «Революция гвоздик» 1974 г. и крушение политического режима «Нового государства»

Экономические реформы кардинально трансформировали привычный уклад жизни португальцев, приближая его к современным «европейским» стандартам. В особенности, в конце 1950-х – середине 1960-х гг. произошло двукратное увеличение числа граждан, обладающих навыками чтения и письма. В 1960 г. специальным постановлением правительства начальное образование стало обязательным для всех жителей страны (за исключением колоний). Однако к 1970 г. среди общего числа населения неграмотными оставались примерно 25%. Постепенно сокращалась численность сельского населения, а параллельно с этим возрастала доля рабочих, занятых на промышленных предприятиях. Активная урбанизация способствовала превращению крупнейших городов страны, таких как Лиссабон, Порту, Брага, Коимбра и Вила-Нова-ди-Гая, в мощные урбанистические центры. Эти перемены заложили основу для появления устойчивого и социально активного среднего класса, который со временем начал выражать несогласие с авторитарным правлением Антониу Салазара. Общественные настроения становились все более пессимистичными, что было обусловлено начавшимися вооружёнными конфликтами в африканских колониях и усугубляющимся в результате этого экономическим кризисом.

По инициативе генерала Умберту Делгаду, который впоследствии получил прозвище «Неустршимый генерал», было сформировано Независимое военное движение (Movimento Militar Independente). Основной задачей данной организации являлась подготовка военного

переворота с целью ликвидации режима Антониу Салазара и отстранения от власти избранного в 1958 г. президента Америку Томаша. Как полагают некоторые исследователи, ключевым стимулом к созданию этого движения стала фальсификация президентских выборов 1958 г. Хотя генерал Делгаду официально не состоял в рядах организации, он активно участвовал в разработке её стратегических планов.

С момента зарождения движения его участники, в первую очередь военные и офицерский состав, рассматривали революционные действия как основной метод противостояния существующему режиму. Главным инструментом борьбы они видели военный переворот. Первая попытка вооружённого восстания была предпринята уже в марте 1959 г., однако заговор был раскрыт спецслужбой ПИДЕ. В результате арестовали 23 человека, большинство из которых приговорили к лишению свободы на срок до 22 месяцев. Этот инцидент можно считать отправной точкой для активных выступлений военных против политического строя Нового государства.

Одним из наиболее значительных событий, потрясших не только Португалию, но и Европу в целом, стало январско-февральское выступление военной оппозиции в 1961 г. Инициатором операции выступил генерал-полковник Энрике Галвау, соратник Умберту Делгаду. В рамках тщательно спланированной акции, получившей название «Дульсинея», предполагалось захватить крупнейший португальский круизный лайнер «Санта-Мария» и впоследствии переименовать его в «Святую свободу» [60]. 20 января того же года в порту Ла-Гуайра (Венесуэла) около двух десятков вооружённых военных под руководством Галвау поднялись на борт судна, которое следовало из Лиссабона в Майами, и объявили его штабом антиправительственного движения. Планировалось направить корабль к побережью Анголы, однако реализация задуманного оказалась невозможной, и судно пришвартовалось в порту Ресифи (Бразилия). После этого участники операции сошли на

берег, где получили политическое убежище, а лайнер был возвращён Португалии. Этот инцидент привлёк широкий международный резонанс: европейские СМИ, а также структуры ЕЭС и НАТО выразили поддержку восставшим.

С конца 1960-х гг. режим Антониу Салазара, проводивший жестокие карательные операции в африканских колониях, столкнулся с тремя серьёзными вызовами: нарастающим экономическим кризисом, осложнением внешнеполитической обстановки и усилением внутривнутриполитической нестабильности. Колониальные войны резко подорвали международную репутацию страны. Ватикан открыто призвал Португалию отказаться от колониальных владений, а некоторые союзники по НАТО предъявили жёсткие требования в отношении будущего колониальной политики. По мнению И. С. Фесуненко, именно это стало одной из ключевых причин последующей деколонизации после падения режима «Нового государства» [59, с. 224]. Внутренние репрессии и нарастающее ужесточение политики привели к массовому оттоку населения в другие европейские страны — в период с конца 1960-х до начала 1970-х гг. страну покинули около 1,5 миллиона человек.

Утрата Португалией политического господства над своими заморскими территориями привела к ослаблению её экономического влияния. Однако контроль, который пытался сохранить режим Салазара, окончательно пошатнулся уже после его смерти, в начале 1970-х гг. Апрельские события 1974 г., известные как «Революция гвоздик», дали мощный импульс процессу деколонизации, который вскоре был окончательно закреплён новыми властями страны [16, с. 49]. Начиная с 1973 г., все африканские колонии обрели независимость от Португалии:

- 24 сентября 1973 г. – суверенитет провозгласила Республика Гвинея-Бисау.
- 25 июня 1975 г. – обретение независимости Республики Мозамбик.

- 5 июля 1975 г. – выход из-под португальского контроля Республики Кабо-Верде.
- 11 ноября 1975 г. – провозглашение независимости Республики Ангола.

Затяжное противостояние между португальскими военными и повстанческими силами происходило на острове Тимор в Тихом океане, где под властью Лиссабона оставалась его восточная часть. Однако после многолетних боевых действий одним из последних регионов, получивших свободу, стал Восточный Тимор — это произошло 25 ноября 1975 г.

На протяжении долгого времени уже Третья португальская республика продолжала управлять территорией Макао на побережье Китая, но 20 декабря 1999 г. контроль над этим регионом официально перешёл Китаю. «Окончательное падение португальской колониальной империи произошло именно после передачи Восточного Тимора», - пишет Павлова Е.Б. [39, с. 142]. Территории, которые руководство «Нового государства» пыталось удержать любой ценой, в итоге стали независимыми и начали путь самостоятельного развития.

Ситуация в Португалии с течением времени лишь ухудшалась, и хотя власти прекрасно это осознавали, реальных действий для исправления положения не предпринималось. 14 марта 1974 г. в Лиссабоне, в дворце Сау-Бенту, прошла официальная церемония присяги вооружённых сил премьер-министру Марселу Каэтану. В ней участвовали офицеры различных военных подразделений, однако на мероприятие не явились начальник Генерального штаба Франсишку да Кошта Гомеш и его заместитель Антониу ди Спинола. Впоследствии оба были смещены со своих постов. Именно эти военачальники позднее станут одними из ключевых фигур Национального Совета Спасения Португалии.

В конце 1973 г. в самом сердце страны — Лиссабоне — начало свою деятельность «Движение капитанов», куда вошли офицеры, выступавшие за насильственное свержение режима «Нового государства». По словам Н.

М. Яковлевой, в рядах движения состояли военные различных званий и уровней образования, но всех их объединял один факт — участие в колониальных войнах [45, с. 148]. Они стремились положить конец затянувшемуся на 13 лет вооружённому конфликту. Стоит отметить, что у организации отсутствовала чётко сформированная идеология или конкретная политическая программа, но её члены были едины в своём намерении ликвидировать существующий режим и превратить Португалию в государство западного образца (хотя часть участников поддерживала социалистические преобразования).

Помимо «Движения капитанов», внутри военного руководства назрел заговор среди высокопоставленных генералов, которые стремились восстановить принципы салазаризма и свернуть реформы, начатые Каэтану. Обе группировки были осведомлены о существовании друг друга, но ни одна из них не стала доносить информацию в ПИДЕ. Это свидетельствовало о том, что неприятие действующего режима было повсеместным — от коммунистов до ультраправых. В конечном итоге вооружённое сопротивление оказала лишь небольшая группа агентов ПИДЕ, однако их попытки были быстро подавлены.

Ключевыми факторами, подтолкнувшими офицеров к заговору, стали:

1. Низкий уровень жизни населения. Несмотря на то, что Португалия входила в пятёрку европейских стран с крупнейшими финансовыми резервами, по уровню жизни среди государств Западной Европы она занимала последнее, 39-е место.

2. Стремительный рост инфляции. С начала 1970-х гг. инфляционные показатели увеличивались колоссальными темпами, доходя до 30% в год.

3. Продолжающиеся колониальные конфликты. Ведение войн в Африке требовало огромных финансовых и людских ресурсов. Со

временем война стала главной причиной потери доверия населения к правительству.

Все эти факторы подтолкнули заговорщиков к более решительным шагам. В.Т. Ермаков отмечает ключевую деталь: «На стороне «Движения офицеров» находилось около 70% военных страны (в Лиссабоне поддержка составляла около 25%)» [21, с. 43]. Первая попытка военного переворота состоялась 16 марта 1974 г., когда гарнизон лагеря Калдаш-да-Раинья двинулся ночью в сторону столицы. Однако мятеж был подавлен встречным огнём лиссабонского гарнизона.

Каэтану, осознавая нехватку кадров в условиях военных действий, отказался от масштабных репрессий. В результате около 200 заговорщиков были просто уволены со службы, а лишь четверть из них отправлена в тюрьму. Российский историк Н. М. Яковлева высказывает предположение, что жёсткие репрессии могли бы подавить движение, но они так и не последовали [68, с. 173].

На 25 апреля 1974 г. было запланировано новое выступление. На этот раз военные тщательно продумали операцию и разработали детальный план. Согласно воспоминаниям современников, некоторые представители власти, включая главу правительства и президента, узнали о грядущем перевороте за сутки до его начала. Позже майор Мариш Фернандиш признался: «Нам пришлось действовать раньше запланированного срока, так как агенты тайной полиции начали что-то подозревать» [61, с. 48]. Для стратегической подготовки был сформирован Центральный комитет «Движения капитанов», в который вошли:

1. Полковник Вашку душ Сантуш Гонсалвиш – отвечал за разработку общей стратегии.
2. Майор Эрнешту Аугушту ди Мелу Антуниш – занимался идеологическими вопросами в случае успеха восстания.
3. Майор Витор Мануэл Родригиш Алвиш – командовал сухопутными войсками.

4. Капитан Отелу Сарайва де Карвалью – руководил военной частью операции.

На рассвете бронетехника вошла в Лиссабон, не встретив сопротивления со стороны войск, остававшихся верными режиму Каэтану. Хотя военные предупреждали мирных жителей, чтобы те оставались дома во избежание возможных столкновений (они всерьёз рассматривали вероятность боёв в столице), народ проигнорировал эти рекомендации. Граждане вышли на улицы, чтобы поддержать мятежников, а символом их солидарности стали гвоздики (Приложение 1). Впоследствии этот цветок станет олицетворением революции.

Кто первым передал военным эти цветы, до сих пор остаётся загадкой, но, как отмечает Н.В. Кривцов, этот образ оказался настолько мощным и вдохновляющим, что к полудню 25 апреля улицы Лиссабона заполнились людьми с гвоздиками [32, с. 111]. Жители города выкрикивали антифашистские лозунги, призывали к миру и исполняли знаменитую чилийскую песню «El pueblo unido jamás será vencido» – гимн сторонников Сальвадора Альенде.

В это время военные взяли под контроль ключевые стратегические объекты столицы, в том числе штаб-квартиру ПИДЕ, и потребовали от правительства немедленно сложить полномочия. Около 18:00 Марселу Каэтану согласился передать власть генералу Антониу ди Спиноле, который вскоре возглавил созданный Национальный Совет Спасения Португалии. Сам Спинола не был членом «Движения капитанов» – офицеры обратились к нему уже в преддверии восстания, предложив занять пост начальника Генерального штаба.

Большинство авторитетных изданий акцентировало внимание на заговорщическом характере событий, связанных с «Революцией гвоздик», интерпретируя их как переворот, организованный группой недовольных военных. Лондонский еженедельник «The Economist» язвительно подметил: «Единственный способ для солдат избежать африканских

джунглей — это свергнуть правительство в Лиссабоне [27, с. 99]. Таким образом, борьба африканских партизан принесла освобождение не только их народам, но и самим португальцам».

Итальянское издание «Corriere della Sera» провело параллель с античной историей, сравнив падение португальского режима с крахом римских императоров, низвергнутых собственными воинами, уставшими от долгих и изматывающих войн на окраинах империи. В свою очередь, швейцарская газета «Tribune de Genève» выразила сомнение в наличии в стране полноценного народного движения, указывая, что за десятилетия диктатуры население привыкло к молчанию и могло утратить политическую активность. Данные из вышеперечисленных газет представлены в крупной монографии итальянского исследователя Беллинтьяни [71, с. 40].

Безусловно, ведущая роль в событиях 25 апреля принадлежала армии. Однако успех переворота и его стремительное развитие стали возможны благодаря поддержке населения крупных городов, которое давно жаждало перемен.

«Для всех нас 25 апреля стал днём окончания диктатуры», — вспоминал спустя год один из ключевых политиков 1970-х гг. Франсишку де Са Карнейру [18, с. 36]. Он подчёркивал, что мужество военных, организовавших восстание, принесло свободу не только им самим, но и всему португальскому народу.

Общество откликнулось с энтузиазмом. Газета «Avante!» отмечала молниеносную реакцию граждан, писав, что с первых часов мятежа народ без принуждения и с воодушевлением встал на сторону армии, а местами даже оказывался впереди солдат, направляя их действия, как это случилось при осаде штабов Республиканской гвардии и ПИДЕ.

«Если «Движение капитанов» сумело выразить стремления португальского народа, сыграв ключевую роль в свержении фашистского режима и становлении демократии, то именно рабочие и простые граждане

стали тем двигателем, который придал этому процессу невиданный размах, позволив армии и народу объединиться и полностью демонтировать структуры диктатуры», — заявлял лидер компартии Алвару Куньял [7, с. 54].

Генсек коммунистической партии вернулся в страну 30 апреля, прилетев из Парижа рейсом Air France. В аэропорту его встретила восторженная толпа. В полном соответствии с революционными традициями свою первую речь он произнёс, стоя на бронетранспортере.

Рядом с Куньялом находился и Мариу Соареш. Лидер социалистов прибыл на родину на два дня раньше, преодолев путь из Парижа на поезде «Sud Express». Он уже успел обратиться к своим сторонникам на вокзале, встретиться со Спинолой, дать интервью национальным и зарубежным СМИ и теперь, наряду с другими представителями левого крыла, приветствовал возвращение Куньяла. С импровизированной трибуны Куньял напомнил о предстоящем Первомае, призвав всех принять участие в торжестве, а Соареш подчеркнул важность консолидации демократических сил [13, с. 75].

На следующий день улицы Лиссабона заполнили десятки тысяч людей. Впервые с 1926 г. страна свободно отмечала День международной солидарности трудящихся. По разным оценкам, в демонстрации участвовало более полумиллиона человек — такого масштабного народного подъёма столица не знала ни до, ни после (Приложение 3). На трибуне рядом стояли два главных оппонента прежнего режима — Алвару Куньял и Мариу Соареш.

К 26 апреля власть в стране окончательно перешла в руки Совета Спасения. переворот оказался практически бескровным: единственными жертвами стали четыре человека, погибшие при штурме здания ПИДЕ. Новая власть приняла несколько указов, ликвидировав связанных с прежним режимом общественные организации, а также уволила с постов чиновников, поддерживавших авторитарную систему. Президент Америку

Томаш и премьер-министр Марселу Каэтану были временно отправлены на Мадейру, после чего покинули страну и эмигрировали в Бразилию.

Таким образом, диктатура пала без серьёзного вооружённого противостояния. Четыре жертвы – минимальная цена революции. Однако после победы противников старого режима страна столкнулась с внутренним расколом, который едва не привёл к противостоянию между левыми и правыми силами.

Как подчёркивает Н. М. Яковлева, в последующие годы в стране начался сложный процесс социально-экономических преобразований, сопровождающийся разногласиями среди военных, созданием новых государственных институтов и разработкой новой внешнеполитической стратегии [68, с. 115]. Политическая система «Нового государства» прекратила своё существование, а на её месте возникли временные органы власти, перед которыми стояла задача определить будущее Португалии в рамках демократических принципов и общеевропейских ценностей.

1.3. Начало и оформление процесса европейской интеграции Португалии в 1976–1986 гг.

Продвижение Португалии в сторону европейских демократических стандартов во второй половине 1970-х гг. стало возможным благодаря активному участию общества, вдохновляемого такими выдающимися фигурами, как Мариу Соареш, Алвару Куньял, а также генералами Антониу ди Спинолой и Рамалью Эанешем. История показывает, что народ, лишённый сильных лидеров, способных формулировать цели, вдохновлять массы и объяснять свои действия, редко становится движущей силой перемен. В Португалии такие лидеры нашлись в нужный момент.

Попытки насильственного внедрения социалистической модели вопреки воле подавляющего большинства граждан, начавшиеся в конце 1974 г., спровоцировали затяжной кризис. Процесс ускорился после

вынужденной отставки Спинолы с президентского поста в сентябре того же года и последующего подавления попытки правого переворота в марте 1975-го. Курс на построение социалистического государства в Португалии стал практически официальным. Его основными направлениями стали массовая национализация земель на юге страны с созданием на их основе структур, напоминающих советские сельскохозяйственные коллективные хозяйства. Профсоюзное движение было сконцентрировано в прокоммунистическом объединении «Интерсиндикал», а лидеры, не разделявшие левые идеи, подверглись давлению и преследованиям.

Сторонники социалистической модели удерживали контроль над Революционным советом и правительственными структурами, стремительно меняя законодательную базу под нужды нового режима. Однако эта политика встретила мощное сопротивление. Оппозиционные силы, в том числе правые и социалисты, оказывались вытесненными из политического процесса. При этом Социалистическая партия под руководством Мариу Соареша испытывала серьёзное давление со стороны армии, что способствовало активизации ещё более радикальных антикоммунистических и правоконсервативных движений. Недовольство левым курсом всё чаще выражалось в насильственных акциях.

Лето 1975 г. выдалось напряжённым: страна погрузилась в политическое противостояние на фоне подготовки и проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки. В ходе переговоров было закреплено обязательство соблюдать права и свободы граждан, что исключало возможность силового вмешательства стран Варшавского договора в поддержку коммунистических сил. Этот фактор значительно снизил вероятность силового разрешения конфликта. Тем не менее, в июле и августе того года улицы португальских городов стали ареной ожесточённых столкновений между сторонниками и противниками социалистического пути развития.

Наивысшего накала политическое напряжение достигло в 1976 г., когда в стране были назначены парламентские выборы. Этот период стал переломным для Португалии, которая, освободившись от многолетнего авторитарного правления, столкнулась с необходимостью выстраивания новых политических и социальных институтов.

В ноябре 1975 г. в Португалии произошли события, вошедшие в историю под названием «Военный кризис 25 ноября». Этот переворот был инициирован силами, настроенными против доминирующего влияния левых радикалов, получивших власть после революционных событий апреля 1974 г. Восстание организовали консервативно настроенные военные, среди которых были высокопоставленные офицеры сухопутных войск и морской пехоты, а также поддерживавшие их представители гражданской полиции и группы гражданских лиц, выступавшие против политики леворадикального правительства.

Целью мятежников было устранение существующего правительства, в котором главные позиции занимали представители Социалистической партии (PS) и Португальской коммунистической партии (PCP). Эти события сопровождались вооружёнными столкновениями в Лиссабоне и ряде других городов, уличными боями и актами насилия.

Однако попытка переворота была быстро подавлена сторонниками действующей власти. Леворадикальные силы, получившие поддержку от союзных им военных, а также организованных рабочих и гражданских активистов, сумели нейтрализовать мятеж [28, с. 32]. Итогом этих событий стало укрепление позиций левых движений в Португалии, а правоконсервативные группы, напротив, утратили влияние. Данный эпизод ускорил процесс демократизации, который завершился принятием новой конституции в 1976 г. и организацией первых свободных выборов.

Парламентские выборы 1976 г. стали важнейшей вехой в политической жизни страны, поскольку положили конец эпохе авторитаризма и закрепили курс на демократическое развитие. В

избирательной гонке участвовали ключевые политические партии, наиболее активные во время и после «Революции гвоздик». Основную борьбу за власть вели две силы: Социалистическая партия (PS) и Португальская коммунистическая партия (PCP).

По итогам голосования лидирующую позицию заняла Социалистическая партия, получившая 37,9% голосов и завоевавшая 107 из 250 мест в парламенте. Основатель PS, Мариу Соареш, позднее занял пост премьер-министра. Придерживаясь принципов социал-демократии, партия выступала за мягкие реформы в рамках социалистической модели.

Коммунистическая партия, набравшая 14,9% голосов и занявшая 40 мест в парламенте, оказалась второй по влиянию. PCP придерживалась радикально левых взглядов и играла значительную роль в политической жизни послереволюционной Португалии.

Третье место досталось Социал-демократической партии (PSD), которая получила поддержку 26,4% избирателей и заняла 73 парламентских кресла. Партия придерживалась консервативных взглядов и выступала в качестве главной оппозиционной силы по отношению к левым партиям.

Выборы 1976 г. закрепили доминирующую роль левых движений, особенно Социалистической и Коммунистической партий, в новой политической системе страны. Итоги голосования подтвердили, что Португалия уверенно движется по пути демократических преобразований, переходя к устойчивой системе гражданского правления. Эти выборы заложили фундамент для дальнейшего развития демократических институтов и окончательного становления страны как полноправного участника европейского политического пространства.

1. После падения режима «Estado Novo» Португалия оказалась в состоянии глубокой политической нестабильности, кульминацией которой стала победа социалистической партии на выборах 1976 г. Однако к

политическому кризису 1974–1976 гг. привели несколько ключевых факторов:

2. Неопределенность в управлении страной: После свержения диктатуры различные группы военных и гражданских лидеров не могли договориться о будущем политическом устройстве государства, что вызвало длительный период дискуссий и конфликтов по поводу экономических и социальных реформ.

3. Экономические трудности: Переход к демократической системе произошел на фоне серьезного финансового кризиса и нехватки бюджета. Политическая неустойчивость отпугнула иностранных инвесторов, что привело к дальнейшему ухудшению экономической ситуации и снижению уровня жизни.

4. Деятельность экстремистских группировок: В этот период активизировались радикальные организации, такие как *Forças Armadas Revolucionárias* (Революционные вооруженные силы), которые использовали методы насилия, устраивали беспорядки и нападения, стремясь навязать стране свою идеологию.

5. Жесткий леворадикальный курс: Масштабная национализация промышленности и перераспределение земельных ресурсов вызвали протесты со стороны умеренных политиков и предпринимателей. Радикальные сторонники левого пути требовали большего сближения с СССР и жестко критиковали любые попытки сохранить независимую политику.

В результате кризиса в стране утвердились легитимные государственные институты, а власть окончательно перешла к демократически избранным партиям. Хотя Португалия продолжала сталкиваться с определенной политической напряженностью, основная борьба теперь велась в рамках одной системы — между различными течениями либерально-демократического спектра.

Первое правительство, сформированное на основе новой конституции, возглавил лидер социалистов Мариу Соареш. Позднее он отмечал, что социалистическая партия не получила абсолютного большинства, что сделало его кабинет нестабильным и подверженным внешнему давлению. Несмотря на это, его правительство, просуществовавшее менее полутора лет, успело провести ряд значимых реформ и заложить основу для дальнейшего развития демократических институтов.

Назначение коммунистов в правительство вызвало международный резонанс. Алвару Куньял получил должность министра без определённого портфеля, что фактически сделало его одним из трёх заместителей главы кабинета, а Авелину Гонсалвеш был назначен министром труда. Позже Мариу Соареш признался, что лично настаивал на включении представителей компартии, заявив, что в противном случае не станет частью нового правительства. Его главной целью было дискредитировать коммунистов в глазах электората. «Мы добивались, чтобы пост министра труда занял член КПП, — объяснял он. — Мы исходили из того, что они смогут сдерживать нарастающий радикализм в стране, которая десятилетиями жила под авторитарным правлением. Это была их историческая миссия, аналогичная роли Французской коммунистической партии после освобождения».

Программа первого кабинета министров оказалась весьма осторожной и умеренной, несмотря на то, что формировалась в условиях революционного подъёма. В экономической сфере было объявлено лишь о переходе центрального банка под государственный контроль, а все остальные заявления носили исключительно декларативный характер. В отношении колониальной политики также не было предложено чётких решений — правительство лишь подчеркнуло, что конфликты на африканском континенте должны разрешаться «посредством дипломатии, а не военной силы».

Во внешнеполитическом разделе документа подчёркивалось приверженность действующим международным соглашениям, в частности обязательствам перед НАТО. Также подтверждалось стратегическое партнёрство с Великобританией, давние добрососедские связи с франкистской Испанией, традиционное сотрудничество с Соединёнными Штатами, а также стремление развивать торгово-экономические и дипломатические отношения со странами Европейского экономического сообщества.

Новым элементом в программе стало намерение установить полноценные связи со всеми государствами, вне зависимости от их политического строя. В рамках этого курса Португалия начала устранять пробелы внешней политики, сформировавшиеся в период правления «Нового государства», и налаживать сотрудничество с социалистическими странами, включая Советский Союз. 9 июня одновременно в Лиссабоне и Москве было опубликовано совместное заявление об установлении официальных дипломатических контактов. Обе стороны договорились развивать отношения «в духе мирного сосуществования и в соответствии с принципами Устава ООН».

Было также достигнуто соглашение о скорейшем обмене посольствами. Советский Союз оперативно назначил первым представителем в Лиссабоне Арнольда Калинина, который уже 8 августа передал свои верительные грамоты президенту Антониу де Спиноле. Быстрота действий СССР вынудила португальскую сторону ускорить процесс. 24 сентября Мариу Соареш подписал указ о назначении послом в Москву журналиста Мариу Невеша. Следует отметить, что именно он в 1958 г. задал Умберту Делгаду прямой вопрос о будущем Салазара, на что генерал дал ставший знаменитым ответ: «Разумеется, отправлю в отставку» [72, с. 14]. 28 октября Невеш прибыл в Кремль, где вручил верительные грамоты заместителю Председателя Президиума Верховного Совета СССР Кириллу Ильяшенко.

В марте 1975 г. кабинет министров под руководством Вашку Гонсалвеша одобрил радикальные меры по национализации финансового сектора, предложенные Ассамблеей движения вооружённых сил (ДВС). Вскоре последовали правовые акты, закрепившие переход банковских и страховых учреждений в собственность государства. В апреле того же года был подписан декрет, предусматривающий передачу под государственный контроль ключевых отраслей экономики. Почти одновременно Революционный совет санкционировал экспроприацию земельных владений, превышающих 50 гектаров на орошаемых и 500 гектаров на неорошаемых участках.

Под действие этих решений попали наиболее влиятельные корпоративные структуры страны. Государству отошли активы компании CUF, охватывавшей широкий спектр производств — от судостроения до текстиля и химической промышленности. Также были национализированы предприятия, входившие в так называемую «великолепную семёрку»: концерны, ассоциированные с группой «Шампалимо», а также ведущие банки — «Эшпириту Санту», «Боржеш и Ирмау», «Португеш ду Атлантику», «Фонсекаш и Бурней», «Насьонал Ультрамариу». Под контроль государства перешли учреждения общественного транспорта, радиовещательные и телевизионные компании (за исключением тех, что находились в ведении Католической церкви), а также предприятия металлургической, цементной, химической, пивоваренной и табачной промышленности.

Следствием этих решений стала масштабная передача собственности в государственные руки — нередко через банки, обладавшие значительными пакетами акций в других частных фирмах. На национализированных предприятиях начали действовать Комиссии трудящихся, которые принимали участие в управлении производственными процессами, формируя элементы самоуправления на местах.

В течение шестнадцати месяцев — с марта 1975 по июль 1976 г. — под контролем государства оказалось 244 ранее частных компаний. Если же учитывать все случаи, когда государственные органы оказывали непосредственное или опосредованное влияние на деятельность хозяйствующих субъектов, то общее число таких предприятий приближалось к двум тысячам.

Особое внимание было уделено аграрной реформе. В южных регионах, в частности в Алентежу, где традиционно доминировало крупное землевладение, после Апрельской революции стали происходить стихийные захваты необрабатываемых земель. С вступлением в силу декрета об экспроприации эти процессы обрели упорядоченный характер. В результате реформ государству было передано свыше 900 тысяч гектаров земли, на базе которых было образовано более 400 сельскохозяйственных кооперативов.

В южной части страны большинство сельских работников являлись наёмными рабочими и не имели собственной земли, что делало их особенно уязвимыми в социально-экономическом плане. В противоположность этому, на севере Португалии преобладали мелкие и средние хозяйства. Там земля чаще находилась в собственности крестьян, хотя существовала и система аренды. С целью защитить права арендаторов, правительство обязывало землевладельцев заключать с ними официальные, оформленные в письменном виде соглашения.

Таким образом, основная волна национализации коснулась преимущественно крупного капитала и масштабных земельных владений, положив начало глубокой трансформации португальской социально-экономической структуры.

В марте кабинет Вашку Гонсалвеша утвердил предложение Ассамблеи ДВС о переходе банковского и страхового сектора в собственность государства. В апреле был опубликован декрет, предусматривающий национализацию ключевых отраслей экономики, а

Революционный совет постановил изъять крупные земельные владения, превышающие 50 гектаров на орошаемых и 500 гектаров на неорошаемых участках.

Собственность крупнейшего концерна КУФ, чья деятельность охватывала множество промышленных направлений — от судостроения до химии и текстиля, — также перешла под контроль государства. Национализация затронула и представителей так называемой «великолепной семерки»: бизнес-группу «Шампалимо», банки «Эшпириту Санту», «Боржеш и Ирмау», «Португеш ду Атлантику», «Фонсекаш и Бурней», «Насьонал Ультрамариу». В госвладение были переведены общественный транспорт, радио- и телекомпании (за исключением тех, что находились в ведении Католической церкви), металлургические и химические предприятия, цементные и пивоваренные заводы, табачные фабрики. Через контроль над банковским сектором государство также приобрело доли в сотнях компаний.

На предприятиях, оказавшихся в собственности государства, стали организовываться Рабочие комиссии, получившие возможность участвовать в управлении производственными процессами.

Всего в период с марта 1975 по июль 1976 г. национализации подверглись 244 частных фирмы. Если же учитывать те организации, в чью деятельность государство вмешивалось прямо или косвенно, общее количество таких структур превышало 1900.

В районах крупных земельных владений, в первую очередь в южной провинции Алентежу, после революции начались стихийные захваты неводеланных участков. После издания соответствующего декрета процесс экспроприации стал более организованным. Было национализировано свыше 900 тысяч гектаров, на которых образовались более 400 сельхозкооперативов.

В южной части страны основную массу крестьян составляли наемные рабочие, лишенные собственной земли и трудившиеся у

землевладельцев. На севере, напротив, преобладали мелкие и средние хозяйства, принадлежащие самим крестьянам, хотя присутствовали и арендаторы. Для защиты последних от произвола правительство обязало владельцев земли заключать с ними официальные договоры аренды.

В целом национализация преимущественно затронула крупный частный капитал.

По итогам выборов, крупнейшую фракцию в Учредительном собрании сформировала Социалистическая партия, получившая почти 38% голосов. Второе место заняла Народно-демократическая партия с результатом свыше 26%. Коммунисты оказались на третьей позиции с 12,5%, а Центр социально-демократической ориентации получил 7,6% и стал четвертым.

Председателем Ассамблеи был избран социалист Энрике де Барруш, приходящийся родственником Марселу Каэтану. Первое заседание нового избранного законодательного органа состоялось 2 июня при участии президента, главы правительства и начальника Генерального штаба.

Результаты голосования показали, что подавляющее большинство граждан Португалии поддерживает идею строительства социалистического общества. Однако предпочтение избирателей склонялось к умеренному социал-демократическому курсу, символом которого являлась Социалистическая партия.

Политические предпочтения населения имели ярко выраженное региональное различие: на севере лидировали Народные демократы и Центр социал-демократов, в центральной части страны и на юге преобладали социалисты, а коммунисты пользовались наибольшей поддержкой в пригородах Лиссабона и Алентежу. Это территориальное разделение политических симпатий, при котором север тяготеет к правым, а юг — к левым, сохраняется и поныне.

Выход Соцпартии и НДП из состава правительства был вызван их несогласием с решением Ассамблеи ДВС, которое они расценили как

попытку военного переворота. Сторонники социалистов, объединив усилия с другими партиями, организовали демонстрацию, собравшую около ста тысяч человек. На митинге Мариу Соареш потребовал отставки Гонсалвеша.

В ответ Ассамблея сформировала временное руководство — Директорию, в которую вошли президент Франсишку да Кошта Гомеш, премьер-министр Вашку Гонсалвеш и глава КОПКОН Отелу Сарайва ди Карвалью. Этот триумвират, частично перенявший функции Революционного совета, стал верховной инстанцией власти. Однако между его членами не было согласия: президент представлял умеренное крыло, премьер — левое, а командующий КОПКОН — ультрарадикальное.

7 августа появился «Документ девяти» — манифест умеренных офицеров, выступивших против курса правительства. В документе осуждалась идея построения социалистической модели по восточноевропейскому образцу, отмечавшаяся чрезмерной бюрократизацией и чертами тоталитаризма, но при этом критиковалась и западная социал-демократия, так как «проблемы Португалии не решаются копированием схем развитого капитализма», о чём пишет Е.В. Старостина [55, с. 16]. Взамен предлагалась концепция социалистического строя на базе политического плюрализма, с учетом реалий португальского общества и сохранением демократических свобод. Также в манифесте критиковались темпы национализации, нарушавшие устоявшиеся социально-экономические механизмы, и предлагалось углубить сотрудничество с Европейским экономическим сообществом.

В тот же день Гонсалвеш представил новый состав правительства, исключив из него представителей партий. Сторонники «Группы девяти», включая её лидера Мелу Антунеша, были выведены из Кабмина и Революционного совета.

30 августа президент издал указ о назначении Гонсалвеша начальником Генерального штаба. Это решение вызвало резкую реакцию

со стороны умеренных, и уже 5 сентября на Ассамблее ДВС бывший премьер вместе с соратниками был исключён из состава Революционного совета, окончательно утратив политическое влияние.

Пост премьер-министра занял адмирал Жозе Пиньейру де Азеведу, представитель умеренной части военного руководства. Его кабинет, приведенный к присяге 19 сентября, включал не только военных, но также четырёх социалистов, двух представителей НДП и одного члена компартии.

После завершения событий постреволюционного периода 1974–1976 гг. перед правительством встала задача разработки дальнейшей стратегии развития страны. Ключевым элементом этой стратегии стало определение курса на европейскую интеграцию, которая к тому времени воспринималась уже как вопрос времени. Необходимо было решить, следует ли Португалии стремиться к статусу ассоциированного члена Европейского союза либо ограничиться союзническими отношениями без официального вступления в организацию.

Мариу Соареш начал реализацию своей давней цели — присоединения страны к Европейскому экономическому сообществу. «Утратив рынки бывших колоний, Португалия сделала ставку на включение в общеевропейское экономическое пространство как на основную возможность выхода из кризиса», - пишет В.Л. Шейнис [66, с. 338]. Первыми шагами на этом пути стали вступление в Совет Европы в сентябре 1976 г. и подача официальной заявки на членство в ЕЭС в марте 1977 г. В апреле того же года Соареш выступил на Парламентской ассамблее Совета Европы.

Летом 1977 г. был установлен предел масштабам национализации: было разрешено участие частного капитала в управлении государственными компаниями, а также санкционировано создание частных финансовых структур. Тогда же вступил в силу так называемый «закон Баррету», названный по фамилии министра сельского хозяйства,

согласно которому начался процесс возвращения ранее экспроприированной земли прежним владельцам. Этот процесс растянулся почти до конца 1980-х гг.: обобществлённые площади сократились почти в три раза — до 360 тысяч гектаров, а число кооперативов уменьшилось вдвое — до примерно 300.

В северных регионах, после революции, Движение вооружённых сил организовало «кампании культурного просвещения и гражданской активности». Группы военных, в том числе врачи, выезжали в отдалённые деревни, проводили встречи с крестьянами, разъясняя цели революции, оказывали медицинскую помощь, лечили животных, помогали в быту: чистили колодцы, укладывали дороги, прокладывали водопровод. Однако эта активность не отразилась на электоральных предпочтениях жителей севера. Хотя медпомощь и прочие услуги были крайне необходимы — при диктатуре здравоохранение оставалось недоступным и низкокачественным.

Следует признать, что социальные меры, принятые после революции, имели положительный эффект. Они не только улучшили положение населения после нищеты диктаторского режима, но и способствовали расширению внутреннего спроса и оживлению экономики. Однако эти шаги не изменили политических предпочтений северян, несмотря на беспрецедентные усилия по социальной защите.

Среди наиболее значимых социальных нововведений того времени: установление минимальной заработной платы, введение пособий по безработице, выплата 13-й пенсии к Рождеству, привязка минимальной пенсии к уровню минимальной зарплаты, увеличение выплат наиболее уязвимым категориям граждан — инвалидам, вдовам, многодетным семьям.

Особенностью Португалии является её компактность, что обеспечивает высокую степень прозрачности государственного управления и более эффективную работу административного аппарата.

Этого удалось достичь благодаря сдерживанию радикализма, отсутствию избыточной идеологизации и профессиональной работе чиновничьего аппарата. Цель первого этапа заключалась в том, чтобы привести страну в соответствие с европейскими стандартами, необходимыми для вступления в объединённую Европу. На следующем этапе — догнать более развитые страны с использованием предоставленной финансовой помощи. Размер такой поддержки составил около 100 миллиардов евро при численности населения в 10 миллионов человек. В результате Португалия достигла сначала 2/3, а затем 3/4 от среднего уровня по ЕС. Е.П. Осипова в своей статье отмечает, - что «вступление стран Восточной Европы в ЕС привело к прекращению масштабной финансовой помощи Португалии» [36, с. 193].

Как отмечает исследователь А. Поляков, «лавры лидера, приведшего Португалию к единой Европе, безоговорочно принадлежат Мариу Соарешу» [43, с. 431]. Он сделал вопрос интеграции в европейское сообщество центральной темой своей политической деятельности на посту главы первого конституционного правительства.

Переговорный процесс по вступлению Португалии в Европейское сообщество стартовал в октябре 1978 г. и активизировался после возвращения Соареша на пост премьер-министра в 1983 г. Торжественная церемония подписания протокола о присоединении прошла 12 июня 1985 г. Ратификация соглашения состоялась 1 января 1986 г. Стоит отметить, что одновременно с Португалией членом ЕС стала и Испания, которая также недавно освободилась от авторитарного режима генерала Франко.

17 февраля 1986 г. был подписан Единый европейский акт — ключевой международный документ, модернизовавший механизмы функционирования Европейского сообщества (впоследствии Европейского союза) и ускоривший формирование единого внутреннего рынка [3]. Он внёс изменения в положения Римских договоров, положив начало следующему этапу интеграции Европы.

Присоединение Португалии к Европейскому союзу стало важной вехой в её современной истории. Это дало стране выход на единый рынок и полноценное участие в экономической интеграции континента. Среди ключевых выгод можно выделить:

1. Экономические выгоды — расширение доступа к рынкам и инвестициям, использование опыта и ресурсов стран-членов;
2. Поддержка преобразований — помощь в структурной перестройке и модернизации экономики через программы развития;
3. Политическое укрепление — участие в формировании общеевропейской политики и усиление международного веса страны.

Таким образом, вступление в ЕС позволило Португалии укрепить экономические и политические связи с европейскими государствами и внести вклад в построение единой Европы, основанной на демократических ценностях.

Следует сделать вывод о том, что процесс европейской интеграции Португалии в 1976–1986 гг. представляет собой один из наиболее важных и многослойных этапов в новейшей истории страны, ставший логичным следствием её политической трансформации, начавшейся с Апрельской революции 1974 г. В центре этих перемен находилось столкновение идеологических моделей — от радикального социалистического эксперимента к стремлению к устойчивой демократической системе, ориентированной на европейские либеральные ценности. Развитие событий в этот период носило не просто внутренний, но и отчётливо выраженный внешнеполитический вектор, определяемый желанием Португалии выйти из изоляции и встроиться в западноевропейские структуры.

Попытка форсированной социалистической трансформации экономики и общества в 1975–1976 гг., предпринятая леворадикальными силами при поддержке части вооружённых сил, спровоцировала экономический упадок, политическую фрагментацию и общественную

напряжённость. Массовая национализация и экспроприации, охватившие ключевые отрасли экономики и аграрный сектор, формально преследовали цели социальной справедливости и экономического равенства, но де-факто привели к разрушению рыночных механизмов и к дефициту доверия со стороны внутренних и международных инвесторов. Эти меры, хоть и отвечали духу постреволюционного энтузиазма, оказались несостоятельными в долгосрочной перспективе, так как не обеспечили устойчивого роста, а напротив — углубили кризис, уже усугублённый потерей колониальных рынков.

Таким образом, внутренние вызовы — политическая нестабильность, экономический хаос и угроза авторитарного отката — закономерно вызвали поворот к стратегии евроинтеграции. Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) стало восприниматься не просто как экономическое объединение, а как гарантия цивилизационного выбора, альтернативного как устаревшей диктатуре «Нового государства», так и хаосу революционного популизма. Именно в этом контексте выступление Мариу Соареша в поддержку сближения с Европой обрело особую значимость: он сумел не только переориентировать страну в сторону западной модели развития, но и переломить общественные настроения, доказав необходимость институциональной стабильности и рыночной экономики.

Постепенная стабилизация политической жизни в конце 1970-х и начале 1980-х гг. сопровождалась укреплением демократических институтов и восстановлением роли умеренных политических сил. Отказ от дальнейшей национализации и признание роли частного капитала как фактора экономического роста стали предпосылкой для вхождения Португалии в западный мир не как «революционного эксперимента», а как зрелого партнёра, ориентированного на модернизацию и прогресс.

В стратегическом плане Португалия, потеряв империю, стремилась обрести новое место в глобальной системе, и путь в ЕЭС (а впоследствии — в Европейский союз), по мнению И.Н. Писарец, стал символом нового

курса [42, с. 22]. Этот вектор стал ключевым не только в 1980-х, но и в последующие десятилетия, определяя как внутренние реформы, так и внешнеполитическую ориентацию страны. Благодаря интеграции в европейское пространство, Португалия получила доступ к структурным фондам, модернизировала инфраструктуру, реформировала систему образования и здравоохранения, а также значительно укрепила правовую систему и институты гражданского общества.

Таким образом, парадоксальным, но закономерным образом, именно трудности и неудачи «революционного» этапа способствовали осознанию необходимости европейского выбора. Этот выбор, в свою очередь, предопределил развитие Португалии в 1990-е г. и в начале XXI века, когда страна окончательно закрепила свою принадлежность к числу либеральных демократий Запада. Сегодняшняя Португалия, несмотря на сохраняющиеся экономические сложности, представляет собой пример успешной поставторитарной трансформации, в основе которой лежит отказ от радикализма в пользу устойчивого, инклюзивного и институционального развития — историческая эволюция, начавшаяся в бурные годы 1976–1986 гг. и продолжающая влиять на политическую и социальную ткань страны в наши дни.

Глава II. Демократическая трансформация и консолидация: анализ политической ситуации в Португалии после вступления в ЕС

2.1. Институциональные реформы как основа парламентской республики в Португалии

Процесс демонтажа авторитарной системы, сложившейся в Португалии в рамках режима «Нового государства» (Estado Novo), представляет собой один из наиболее насыщенных и концептуально значимых периодов в истории португальского государственного строительства. Революция гвоздик 25 апреля 1974 г., формально ставшая переломным моментом в политической истории страны, на деле инициировала гораздо более глубокий и многоплановый процесс — трансформацию всей институциональной структуры, сопровождавшуюся попытками сбалансировать противоречивые интересы различных политических и социальных групп [44, с. 56]. Сам по себе слом режима не обеспечивал автоматического перехода к демократической системе — напротив, требовалась постепенная и вдумчивая реконфигурация государственного механизма, лишённого прежнего централизующего авторитарного ядра.

Наиболее характерной чертой переходного периода (1974–1976 гг.) стало сосуществование, а зачастую и конкуренция, военных и гражданских центров власти. Созданная в первые часы после переворота Военная хунта (Junta de Salvação Nacional) формально взяла на себя функцию временного носителя суверенитета, при этом её легитимность опиралась не столько на правовые основания, сколько на политико-символический капитал революции и поддержку широких масс. Именно в этой двойственной природе власти — временность и претензия на преобразование — заключалась одна из ключевых дилемм начала демократизации: с одной стороны, сохранялась необходимость в оперативном администрировании и поддержании порядка, с другой — требовалось сформировать новые,

институционально легитимные формы политического представительства и участия.

Уже в первые месяцы после революции началась последовательная деконструкция институтов, служивших опорой прежнего режима. Так, в короткий срок были упразднены Национальная ассамблея, однопартийная структура União Nacional, а также репрессивные органы, в первую очередь PIDE/DGS — политическая полиция, ассоциировавшаяся с наиболее репрессивными аспектами диктатуры. Однако разрушение прежних структур не сопровождалось немедленным созданием устойчивых альтернатив, что привело к временному институциональному вакууму, в рамках которого происходили бурные споры относительно вектора развития страны: от радикально социалистического до умеренно либерального.

Ключевым элементом стабилизации политической системы стал процесс подготовки к созданию новой конституции. Учредительные инициативы, выдвигаемые на протяжении 1974–1975 гг., находились под влиянием как внутренних факторов — растущей политической активности партий и движений, ранее находившихся в подполье, — так и внешних, в частности международного давления с целью недопущения установления тоталитарного режима противоположного толка. Следует подчеркнуть, что, несмотря на высокую степень политической поляризации, португальскому обществу в целом удалось сохранить приверженность идее правового устройства и легального перехода к демократической модели, что отличает данный процесс от ряда других примеров постреволюционных трансформаций.

Особое значение в этот период приобрёл Революционный совет (Conselho da Revolução), созданный в марте 1975 г., ставший одновременно арбитром между политическими силами и органом, обладавшим широкими полномочиями в сфере контроля над процессом институциональной перестройки. Его деятельность, при всех

противоречиях, сыграла определённую стабилизирующую роль, позволив избежать как прямого военного вмешательства в гражданскую политику, так и полной утраты управляемости в переходный момент.

Нельзя не отметить и роль Временных правительств, сменявших друг друга с высокой частотой, однако выполнявших важную функцию — подготовку страны к первым свободным выборам, проведённым 25 апреля 1975 г. в Учредительное собрание. Именно это голосование стало символическим и практическим шагом к делегированию власти от революционной элиты — армейского корпуса — к демократически избранным гражданским институтам. Итогом работы Учредительного собрания стало принятие Конституции 1976 г., заложившей правовые основы парламентской республики и завершившей начальный этап институционального перехода.

Таким образом, институциональный переход от авторитарного режима к демократическому государству в Португалии представлял собой не одномоментное событие, а сложный, многослойный процесс, в котором разрушение прежних институтов сопровождалось кропотливым выстраиванием новых — легитимных, демократических и устойчивых. Именно эта эволюция, основанная на идее верховенства права, народного суверенитета и принципа разделения властей, и составила фундамент, на котором впоследствии была построена парламентская республика в её современном виде.

Принятие Конституции 1976 г. стало кульминацией институционального перехода, начатого в результате Революции гвоздик. Это событие не только ознаменовало завершение фазы политической неопределённости, но и зафиксировало юридически устойчивую модель функционирования новых демократических институтов, определивших форму и содержание парламентской республики в Португалии. Конституция стала не просто нормативным актом высшей юридической силы — она воплотила в себе политические, социальные и идеологические

компромиссы, достигнутые в ходе напряжённого постреволюционного диалога между различными политическими силами, от умеренных центристов до радикальных левых.

Одной из фундаментальных задач, решённых в рамках конституционного процесса, стало установление чёткой системы разделения властей. Конституция предусмотрела наличие трёх независимых ветвей власти — законодательной, исполнительной и судебной — при этом особое значение придавалось примату парламента (*Assembleia da República*) как центрального института народного представительства. Именно парламент получил полномочия по принятию законов, утверждению государственного бюджета, контролю за деятельностью правительства и ратификации международных договоров, что подчеркивало его роль как ядра парламентской модели.

Исполнительная власть была институционально раздвоена между Президентом Республики и Советом Министров во главе с Премьер-министром. Такая конструкция имела цель обеспечить баланс между различными центрами влияния в переходный период, сохранив определённую роль за президентом как гарантом единства государства и стабильности политического процесса. Однако в отличие от моделей полупрезидентских республик (например, Франции), президентские полномочия в Португалии были целенаправленно ограничены, особенно в части участия в текущем управлении. Назначение премьер-министра осуществлялось президентом, но на основе парламентской конфигурации сил, что, по мнению А.С. Кошеля, - «закрепляло доминирование представительного органа над исполнительной ветвью» [31, с. 950].

Особо следует подчеркнуть, что Конституция 1976 г. исходила из идеологической парадигмы, сформированной в условиях революционного подъёма и влияния левых политических течений. В частности, в первоначальной редакции документа содержались положения о «переходе к социализму», а также закреплялись элементы экономического

интервенционизма, такие как национализация ключевых отраслей и признание права на коллективную собственность. Эти положения, однако, в дальнейшем подверглись существенной ревизии в ходе конституционных реформ 1980-х и 1990-х гг., когда Португалия адаптировала своё законодательство к требованиям либеральной демократии и рыночной экономики, особенно в связи с подготовкой к вступлению в Европейское экономическое сообщество.

Не менее важным стало институциональное закрепление независимой судебной власти, призванной служить гарантом соблюдения конституционного порядка. Конституцией был учреждён Конституционный суд (Tribunal Constitucional), обладавший полномочиями по контролю за соответствием законов основному закону, а также по надзору за законностью политических партий и проведения выборов. Это стало ключевым элементом правовой архитектуры новой Португалии, призванной не только провозглашать демократические принципы, но и обеспечивать их реализацию через устойчивые институциональные механизмы.

Конституция 1976 г. также предусматривала высокий уровень гарантий прав и свобод граждан, включая как классические права первого поколения (гражданские и политические свободы), так и социально-экономические права [6]. Примечательно, что соответствующий раздел был включён в текст документа не формально, а как отражение реальных ожиданий общества, прошедшего через десятилетия политических репрессий и социального неравенства.

Таким образом, Конституция 1976 г. выступила не только юридическим основанием для новой политической системы, но и символом достижения политического консенсуса, позволившего избежать дальнейшей радикализации и обеспечить институциональную преемственность. Её принятие знаменовало собой переход от временных и зачастую нестабильных структур переходного периода к полноценной

парламентской республике, основанной на принципах демократии, верховенства права и народного суверенитета. Эта конституция, несмотря на последующие поправки, до сих пор остаётся основополагающим документом португальского государственного устройства и выражением коллективной воли нации к жизни в условиях свободы и правопорядка.

Помимо всего прочего, утверждение в полной мере новой Конституции способствовало формированию «двухпартийной» политической системы, которая сохранилась в Португалии до начала 2020-х гг. [40, с. 118]. Ключевыми политическими акторами стали две крупнейших политических партии: Социал-демократическая партия (основана 6 мая 1974 г.) и Социалистическая партия (основана 19 апреля 1973 г.). Однако «двухпартийный баланс» был нарушен политической партией «Chega» (в пер. с португальского – «Хватит») (основана 9 апреля 2019 г.) (Приложение 5).

Период, последовавший за вступлением Португалии в Европейское экономическое сообщество в 1986 г., ознаменовался глубокой трансформацией политических институтов, в том числе партийной системы и избирательного законодательства. Присоединение к ЕЭС стало не только внешнеполитическим шагом, но и мощным катализатором внутренней институциональной консолидации. Под влиянием европейских стандартов демократии и требований по соответствию критериям политической стабильности Португалия активизировала процессы реформирования ключевых демократических механизмов — прежде всего тех, что обеспечивают представительство, подотчётность и участие граждан в управлении страной.

Одним из наиболее заметных результатов этого периода стало укрепление и стабилизация партийной системы, которая к середине 1980-х гг. уже окончательно перешла из фазы постреволюционной поляризации в состояние относительной институциональной зрелости. В условиях демократического плюрализма на первый план вышли три политические

силы, игравшие ведущую роль в формировании исполнительной и законодательной власти: Социалистическая партия (PS), Социально-демократическая партия (PSD) и Центристско-народная партия (CDS-PP). Эти партии продемонстрировали высокую степень адаптации к новым условиям, развив внутреннюю организационную инфраструктуру, усилили прозрачность механизмов принятия решений и стали играть ключевую роль в обеспечении политической преемственности.

Законодательные инициативы, направленные на регулирование деятельности политических партий, получили особенно активное развитие в связи с необходимостью соответствовать европейским принципам прозрачности партийного финансирования, внутренней демократии и правовой подотчётности. В 1990-х гг. были приняты и обновлены акты, касающиеся финансирования партий и избирательных кампаний (в частности, Lei do Financiamento dos Partidos Políticos), что позволило значительно повысить уровень легитимности партий в глазах общества и международных партнёров. Под влиянием норм Совета Европы и других европейских институтов стали внедряться принципы финансовой отчетности, аудита партийных фондов, а также ограничения на источники финансирования — всё это укрепляло институциональные рамки партийного участия.

Не менее существенные изменения претерпела избирательная система, основой которой с 1976 г. оставалась пропорциональная модель с распределением мандатов по партийным спискам в многомандатных округах. Однако с 1980-х гг. начался процесс постепенной технической модернизации и стандартизации избирательного процесса, а также пересмотра отдельных элементов избирательного законодательства. Одним из направлений стала реформа избирательной администрации — был создан независимый орган Comissão Nacional de Eleições (CNE), чья задача заключалась в контроле за честностью и прозрачностью выборов, а также в рассмотрении жалоб и наблюдении за соблюдением

законодательства. Это обеспечивало соответствие европейским нормам, а также способствовало укреплению доверия граждан к избирательным процедурам.

Европейское влияние также ощущалось в области расширения электорального участия. Хотя в Португалии отсутствует институт обязательного голосования, государство активно внедряло меры, направленные на повышение явки, улучшение доступа к избирательным участкам и создание условий для участия граждан, проживающих за рубежом. С этой целью была модернизирована система регистрации избирателей и проведены реформы, касающиеся голосования диаспоры, что было особенно важно в свете транснациональных связей Португалии с бывшими колониями и крупными миграционными потоками в Европу.

Начиная с конца 1990-х гг., особое внимание стало уделяться репрезентативности и инклюзивности избирательной системы. На фоне усиливающихся общественных дискуссий о гендерном неравенстве в политике был принят ряд поправок, способствующих увеличению доли женщин в партийных списках — начиная с Закона о паритетном представительстве (2006), который устанавливал обязательные квоты на представительство каждого пола в пределах 33% в списках кандидатов. Эти реформы отвечали требованиям европейских рекомендаций и представляли собой шаг к повышению социальной легитимности политических институтов.

Таким образом, начиная с 1986 г., Португалия прошла путь не только формального укрепления партий и избирательных институтов, но и их европейской институционализации, что выразилось в принятии стандартов подотчётности, инклюзивности и процедурной прозрачности. Интеграция в ЕЭС/ЕС выступила мощным фактором внутренней демократической консолидации, ускорив переход от минимально функционирующей представительной системы к зрелой парламентской демократии,

основанной на устойчивых, предсказуемых и легитимных механизмах политического участия [37, с. 61].

Период после вступления Португалии в Европейское экономическое сообщество в 1986 г. стал решающим этапом в институциональной трансформации системы государственного управления и судебной власти. Под давлением как внутренних, так и внешних факторов — в частности, стремления к соответствию критериям эффективного управления, выдвигаемым структурами Европейского сообщества, — Португалия предприняла последовательную модернизацию государственного аппарата, направленную на повышение прозрачности, подотчётности и административной эффективности.

В условиях демократического перехода 1970-х гг. португальская модель государственного управления сохраняла черты централизации, бюрократизации и слабой институциональной координации, унаследованные от авторитарного режима «Нового государства». Хотя уже Конституция 1976 г. закрепила принципы децентрализации и демократического управления, их реализация на практике оказалась затруднена из-за недостаточной административной и нормативной базы. Лишь в конце 1980-х и особенно в 1990-х г., под влиянием реформ, ориентированных на сближение с административной моделью стран ЕС, была инициирована структурная реформа государственного сектора.

Целью этих преобразований стало создание профессионального, деполитизированного и сервисно-ориентированного государственного управления. Реформы включали внедрение механизмов оценки эффективности, реструктуризацию министерств, переход к программно-целевому бюджету, цифровизацию административных процедур и продвижение концепции «гражданин как клиент» (*cidadão como utente*) [56]. Принятие Закона об административной процедуре (*Código do Procedimento Administrativo*), а также реформа системы публичной службы (с созданием института «общей карьеры» — *carreira geral*), ознаменовали

отход от старой корпоративистской модели к более транспарентной и функциональной [4].

Особое значение в данном контексте приобрела децентрализация власти, которая активизировалась после 1986 г. и выражалась в передаче ряда полномочий муниципальным и региональным органам управления. Создание Автономных регионов Азорских островов и Мадейры, получивших собственные уставы и парламенты, стало институциональной новацией, обеспечившей не только территориальную сбалансированность, но и политическую инклюзивность. Эти шаги сопровождались формированием новой финансовой системы межбюджетных трансфертов и усилением контроля со стороны Счётной палаты (Tribunal de Contas).

Не менее фундаментальными стали преобразования в судебной системе, особенно на фоне требований Европейского союза к правовому государству, независимости судов и эффективному доступу к правосудию. Основным направлением стало укрепление институциональной автономии судебной власти, выраженное в создании Высшего совета магистратуры (Conselho Superior da Magistratura) и Высшего совета административных и налоговых судов (Conselho Superior dos Tribunais Administrativos e Fiscais), которые получили полномочия по назначению, продвижению и дисциплинарному контролю судей. Эти органы стали гарантом деполитизации судебной власти и институциональной независимости судов.

Важным институциональным шагом стала модернизация судебной карты (*reforma do mapa judiciário*), осуществлённая в начале 2000-х гг., с перераспределением полномочий между окружными, апелляционными и административными судами, а также упрощением территориального охвата. Эти изменения имели целью устранение избыточности, снижение процессуальных издержек и ускорение разрешения дел.

В рамках адаптации к нормам ЕС также было уделено внимание обеспечению доступа к правосудию и усилению роли общественных

защитников (Provedor de Justiça) — института омбудсмана, действующего с 1975 г., но получившего новую нормативную и политическую значимость в 1990-е гг. Институт омбудсмана стал важнейшим звеном в механизме контроля над действиями исполнительной власти и защиты прав граждан в административных спорах.

Таким образом, реформы государственного управления и судебной власти в постреволюционный период — особенно с момента вступления в ЕЭС — продемонстрировали устойчивое стремление Португалии институционализировать демократические нормы управления, повысить прозрачность и эффективность административных и судебных процедур, а также адаптировать внутренние системы правосудия к общеевропейским стандартам правового государства. Эти процессы стали неотъемлемой частью формирования зрелой парламентской демократии и усилили легитимность государственно-правовых институтов в глазах как граждан, так и международных партнёров.

Интеграция Португалии в европейские наднациональные структуры, начавшаяся с вступления в Европейское экономическое сообщество в 1986 г. и получившая дальнейшее развитие в рамках Европейского союза, выступила не только фактором модернизации экономики, но и мощным стимулом к институциональной перестройке страны. Европейская траектория развития Португалии задавала вектор глубинных трансформаций, направленных на укрепление правового государства, повышение эффективности управления, обеспечение транспарентности и расширение демократического участия. Интеграция в ЕС стала не столько внешней политической стратегией, сколько внутренним механизмом институциональной стабилизации и нормативного выравнивания по модели европейских либеральных демократий.

Прежде всего, необходимо отметить, что европейское членство предполагало соответствие т.н. копенгагенским критериям, охватывающим политическую стабильность, гарантии прав человека, независимость

судебной власти, эффективную администрацию и рыночную экономику. Несмотря на то, что эти критерии были формализованы в 1993 г., их суть фактически лежала в основе ожиданий со стороны Брюсселя уже в 1980-х г. Соответственно, процессы институциональных реформ в Португалии не были стихийными — они были тесно привязаны к европейской нормативной рамке, что обусловило их направленность, последовательность и внутреннюю структурную логику.

Одним из наиболее очевидных следствий европейской интеграции стало внедрение механизмов оценки и мониторинга государственных институтов. Под давлением требований по транспарентности и эффективности государственное управление Португалии адаптировалось к стандартам нового публичного менеджмента, включающим программное планирование, межведомственные показатели эффективности, электронное администрирование, а также конкуренцию в предоставлении публичных услуг. При этом, важную роль играли структурные фонды ЕС (в частности, Европейский фонд регионального развития и Европейский социальный фонд), средства которых выделялись на условиях соответствия институциональных структур критериям эффективности и подотчётности, - о чём пишет Е.О. Муслимова [35, с. 9].

Интеграция также затронула модель правового регулирования, приведя к постепенной европеизации правовой системы. Это проявилось, во-первых, в транспозиции директив ЕС в национальное законодательство, что требовало устойчивого функционирования юридических и административных механизмов; во-вторых — в институциональном укреплении органов, ответственных за соблюдение законодательства ЕС (например, создание специализированных департаментов по европейскому праву в министерствах и судебных органах). Европейское право стало не только источником норм, но и ориентиром институционального поведения, требуя согласования с принципами пропорциональности, субсидиарности и правовой определенности.

Особого внимания заслуживает влияние ЕС на антикоррупционную и этическую повестку, что выразилось в создании независимых контрольных институтов, таких как Служба по предотвращению коррупции (Serviço de Prevenção da Corrupção) и Совет по прозрачности и добропорядочности. Эти органы формировались в соответствии с рекомендациями Совета Европы (GRECO), ОЭСР и стандартами Еврокомиссии [4]. Поддержка со стороны Европейского союза в форме технической помощи, экспертных миссий и механизмов оценки способствовала закреплению новой институциональной культуры правовой ответственности.

Нельзя не отметить, что под влиянием европейской интеграции усилились процессы регионализации и субсидиарности. ЕС поощрял развитие региональной политики, предполагая активное участие местных и региональных органов власти в принятии решений. Это выразилось в активизации деятельности региональных координационных комиссий (Comissões de Coordenação e Desenvolvimento Regional — CCDR), ответственных за реализацию стратегий устойчивого развития в рамках соглашений о партнерстве с ЕС.

Таким образом, членство Португалии в Европейском союзе выступило не просто фоном институциональных реформ, а их ключевым структурообразующим фактором. Европейская модель управления, нормативное давление со стороны наднациональных институтов, финансовые стимулы и экспертная поддержка обеспечили устойчивое направление институциональных преобразований. Результатом стало формирование в Португалии зрелой парламентской республики, способной функционировать в условиях открытого, конкурентного и правового пространства, соответствующего стандартам объединённой Европы.

2.2. Экономические и социальные преобразования в стране

Португалия и Испания одновременно вошли в состав Европейского экономического сообщества (ЕЭС) 1 января 1986 г., став одиннадцатым и двенадцатым членами объединения, соответственно. Объединение с мощным соседом представляло собой значительные риски, о чем, в частности, предупреждал бывший министр иностранных дел Португалии Франку Ногейра.

Он отмечал: «Для нас общий рынок станет, прежде всего, общим иберийским рынком — рынком, объединяющим двух неравных партнёров, один из которых, будучи в три-четыре раза сильнее, сможет легко подчинить другого... И всем известно, что за экономическим доминированием неизбежно следует политическое: с разной скоростью, в большей или меньшей степени завуалированное, но оно обязательно наступит».

Присоединение к ЕЭС вызвало жёсткую критику со стороны Компартии, которая утверждала, что это повлечёт разрушение отдельных отраслей экономики, неспособных конкурировать с более развитыми странами, а также утрату экономической и политической независимости. Однако влияние коммунистов было уже незначительным, а Франку Ногейра, когда-то член кабинета Салазара, находился в политической эмиграции. В то же время абсолютное большинство политических партий и представителей правящей элиты выступило в поддержку вступления.

Когда же исторический шаг был сделан, Мариу Соареш уже не занимал пост премьер-министра: коалиция социалистов и социал-демократов распалась после того, как в мае 1985 г. председателем Социал-демократической партии (СДП) стал Анибал Каваку Силва. Этот выпускник Высшего института экономических и финансовых исследований, сторонник Маргарет Тэтчер и обладатель докторской степени Университета Йорка, успел поработать министром финансов и планирования в правительстве Са Карнейру, а также был избран депутатом

парламента. Поднявшись на вершину партийной иерархии, он перевёл СДП в оппозицию к социалистам.

До интеграции в ЕЭС Португалия дважды обращалась за поддержкой к Международному валютному фонду (МВФ). Во второй раз, в 1983 г., ситуация была настолько критической, что стране пришлось продать 7,5 % своих золотых запасов. Получение кредитов было связано с выполнением жёсткой программы стабилизации, включавшей, в частности, замедление роста заработных плат и девальвацию национальной валюты — эскудо.

После вступления Португалия получила доступ к финансированию из структурных и фондов сплочения, что было обусловлено необходимостью выравнивания уровня экономики и доходов населения с более развитыми членами Общего рынка. За период с 1986 по 2013 г. Лиссабон получил из этих источников почти 97 миллиардов евро. Однако далеко не все средства использовались эффективно: часть финансирования просто исчезала, а иногда деньги тратились на заведомо неэффективные проекты, особенно первые транши. Тем не менее оставшиеся ресурсы позволили значительно улучшить инфраструктуру страны. В частности, за первые пять лет было построено около 3 тысяч километров современных дорог.

Экономика получила мощный импульс благодаря валютным вливаниям и пошла на подъём. Уже к 1990 г. темпы роста ВВП достигли 7,86%. Простые граждане ощутили улучшение жизненного уровня: за первые пять лет после вступления было создано около 400 тысяч рабочих мест, а доход на душу населения вырос с 53% до 66% от среднего показателя по Европе в период с 1985 по 1995 гг., о чём свидетельствуют данные, приведённые М.А. Килячковым [30].

При поддержке Брюсселя в стране были проведены структурные реформы в налоговой сфере и трудовом законодательстве, что способствовало снижению уровня безработицы и дефицита

государственного бюджета. Уровень инфляции также значительно снизился — к 1988 г. он опустился до 10%, а к 1996 г. — до 3%.

В Брюсселе, на фоне стремительного роста Южной Кореи, прозванной «азиатским тигром», стали говорить о Португалии как о новом «европейском драконе». Председатель Европейской комиссии Жак Делор охарактеризовал страну как «примерного ученика» [50, с. 59].

Стиль руководства нового премьер-министра резко отличался от манеры его предшественника: Каваку Силва избегал публичности и громких речей, сдержанно относился к журналистам и создавал образ целеустремлённого технократа, постоянно занятого делом. «Не мешайте нам работать! — часто повторял он. — Я читаю газеты всего по пять минут утром и вечером, поскольку у меня много работы... Мне не хватает некоторых качеств, приписываемых политикам. У меня нет склонности к интригам и к тому, чтобы очаровывать журналистов, а также к политико-партийным играм».

Будучи уже президентом, Каваку Силва довёл взаимодействие с прессой до минимума: за весь пятилетний срок он дал всего два интервью — одно в начале, другое — в конце срока. В качестве председателя Совета министров ЕЭС, который передавался по ротации между странами, Каваку Силва открыл церемонию подписания Маастрихтского договора, который преобразовал сообщество в Евросоюз [2].

В июле 1994 г. Каваку Силва посетил Россию, проведя переговоры в Москве и Санкт-Петербурге с президентом Борисом Ельциным. В ходе визита был подписан бессрочный Договор о дружбе и сотрудничестве, в котором подчёркивалось, что «развитие и закрепление демократических реформ в Российской Федерации является для обеих сторон важнейшим фактором в строительстве единой Европы». Португалия пообещала «оказывать всестороннюю поддержку процессу трансформации российской экономики в рыночную».

После заключения соглашения политические контакты между странами оживились, что стало отчасти следствием общего улучшения отношений России с Западом. В последующие годы российские президенты четырежды посещали Лиссабон, а португальские руководители не раз навещали Москву. Регулярные встречи на высшем уровне продолжались вплоть до конца первого десятилетия XXI века, после чего прекратились на фоне общего охлаждения отношений с НАТО и ЕС, частью которых является Португалия.

Во второй срок на посту премьер-министра Каваку Силва уделял международным вопросам значительное внимание. Он сыграл ключевую роль в создании Сообщества португалоязычных стран, объединившего бывшие колонии Португалии. Организация была учреждена в феврале 1994 г. на встрече министров иностранных дел, а её учредительный саммит прошёл в июле 1996 г. в Лиссабоне.

Однако экономическая ситуация в начале 1990-х гг. ухудшилась: Евросоюз пережил рецессию, и Португалия также замедлила рост — в 1993 г. ВВП сократился на 0,7 %. В условиях кризиса население перестало позитивно воспринимать структурные реформы, прозвав их «кавакизмами». Длительный «медовый месяц» в отношениях Каваку Силвы с электоратом подошёл к концу, а призывы «не мешать» вызвали лишь усиление протестных настроений и рост забастовочного движения.

Конец XX века ознаменовался для Португалии многообещающим этапом. После периода политической нестабильности и экономического кризиса, последовавших за «Революцией гвоздик», в стране установилась относительная устойчивость. Руководство переходило от одной партии к другой, сменяясь между центристской Социалистической и правоцентристской Социал-демократической партиями.

Экономический спад начала 1990-х гг. уступил место экономическому росту: с 1996 по 2000 гг. валовой внутренний продукт увеличивался в пределах от 3,5 до 4,8 процента, а уровень инфляции

держался около трех процентов. В этих условиях Португалия получила прозвище «европейский дракончик», символизируя возрождение и активное развитие.

Одновременно с экономическим подъемом улучшалось и качество жизни населения: доход на душу достиг 68% от среднего уровня по 15 странам ЕС, что стало рекордом в истории страны. В Евросоюзе Португалия почувствовала себя полноправным членом, даже ветераном. В марте 1995 г. в силу вступило Шенгенское соглашение, значительно упрощавшее пограничный контроль между семью странами ЕС, включая Португалию. С 1 января 1999 г. начал действовать Европейский валютный союз, и Португалия вошла в число 11 государств, которые первыми внедрили евро, что требовало доказательства соответствия жестким критериям членства, несмотря на мнение о «отсталости» страны.

В 1999 г. Антониу Гутерриш стал лидером Социалистического интернационала, а уже в 2000 г. Португалия во второй раз получила председательство в Совете министров ЕС.

В конце тысячелетия завершился и многовековой колониальный период Португалии. Последние остатки империи обрели новую судьбу. Так, 30 августа 1999 г. под контролем ООН прошел референдум в Восточном Тиморе, где большинство населения проголосовало за независимость. Это вынудило Индонезию, которая ранее оккупировала территорию, начать передачу полномочий, завершившуюся в 2002 г.

20 декабря 1999 г. Макао был официально возвращен Китаю, сменив название на Аомынь. В отличие от Восточного Тимора, этот процесс прошел спокойно и организованно: 127-й португальский губернатор спустил флаг, а 442 ребёнка, символизирующих годы колониального управления, исполнили песню благодарности за мир.

В 1998 г. для всего португалоязычного мира наступило важное событие — впервые был удостоен Нобелевской премии по литературе португальский писатель-коммунист Жозе Сарамагу. Несмотря на

неоднозначное отношение к нему в стране, его успех стал значимым культурным достижением. После переезда на остров Лансароте в Испании в начале 1990-х Сарاماгу критиковали за произведения, вызвавшие споры, например, роман «Евангелие от Иисуса», который премьер Каваку Силва считал оскорбительным для католиков [49, с. 120].

В том же году Лиссабон принял Всемирную выставку, собравшую около 11 миллионов посетителей. Экспозиция проходила под девизом «Океаны: наследие для будущего». Проектирование павильонов поручили выдающемуся архитектору и лауреату Притцкеровской премии Сизе Виэйра. Выставка стала поводом для преобразования района на берегу реки Тежу: старые склады и ветхие постройки были снесены, а на их месте появился современный квартал, связанный с южным берегом 12-километровым мостом имени Вашку да Гамы, отмечавшим 500-летие великого морского путешествия португальского исследователя. Это символизировало возрождение страны, празднование ее географических открытий и подготовку к новому тысячелетию.

Однако в начале XXI века экономический рост значительно замедлился, временами переходя в стагнацию и даже спад. Если в «золотой» послереволюционный период 1986–1992 гг. среднегодовые темпы роста ВВП составляли около 5,42%, то в период с 2000 по 2017 гг. они упали до почти незаметных 0,26%. Первые признаки экономического застоя португальцы уже видели в начале 1990-х, но тогда они были кратковременными, тогда как в новом тысячелетии кризис затянулся.

При этом снижение темпов роста не сопровождалось сокращением потребления: заработная плата продолжала увеличиваться, импорт рос, а дефицит текущего счета становился все более угрожающим, достигнув в 2001–2007 гг. в среднем 8,6% ВВП (Приложение 4). Для покрытия дефицита страна прибегала к заимствованиям.

В то же время рост производительности труда отставал от увеличения заработных плат, что приводило к удорожанию национальной

продукции и снижению конкурентоспособности на мировом рынке. Одновременно Португалии пришлось сталкиваться с усиливающейся конкуренцией новых игроков, среди которых выделялся Китай, получивший в 2001 г. членство в ВТО, а в 2004 г. — расширение ЕС включило сразу десять новых стран, среди которых Чехия, Польша и Венгрия, усилившие давление на традиционные экспортные позиции Португалии.

В 2007 г. мир охватил финансовый, а затем и экономический кризис. В ответ ЕС, Международный валютный фонд и Европейский центральный банк предоставили Португалии кредит на сумму 78 миллиардов евро при условии введения строгих мер экономии, направленных на сокращение бюджетного дефицита и стабилизацию финансовой системы. Программа, разработанная «тройкой» кредиторов, включала сокращение государственных расходов, приватизацию крупных государственных предприятий и либерализацию рынка труда.

Падение правительства социалистов под руководством Жозе Сократеша прервало карьеру одного из наиболее перспективных политиков страны. Его протеже, считавшийся последовательным сторонником британского премьера Энтони Блэра, ставил целью модернизацию Португалии.

Сократеш продвигал развитие «чистой» энергетики на базе возобновляемых ресурсов, расширение сети электрозаправок и внедрение электронного правительства [52, с. 44]. Однако его реформы не ограничивались техническими инновациями: в традиционно католической стране он сумел добиться отмены уголовной ответственности за аборт, легализации однополых браков, официального признания смены пола и упрощения процедур развода.

Эти социальные новшества вызвали ожесточённые протесты и массовые демонстрации. Особенное сопротивление вызвала реформа

образования, которая разделила педагогов на категории и привела к закрытию множества сельских школ.

На международной арене деятельность Сократеша также была активной: в 2007 г., во время третьего председательства Португалии в ЕС, был подписан Лиссабонский договор, который заменил неудавшуюся попытку создания европейской конституции. В октябре того же года в Мафре прошёл саммит Россия — ЕС с участием Владимира Путина. В ноябре 2010 г. в Лиссабоне состоялся важный саммит НАТО, на котором альянс утвердил новую стратегическую концепцию и впервые провел встречу на высшем уровне с Россией, представленной Дмитрием Медведевым [77].

Тем не менее, после начала экономического кризиса в 2008 г. все реформаторские усилия Сократеша заметно потеряли поддержку среди избирателей. Несмотря на достигнутые успехи в области возобновляемых источников энергии, страна не смогла избежать глубокой рецессии.

Социальное недовольство усилилось, особенно среди молодежи, которая выходила на массовые демонстрации, называя себя «удрученным поколением», оставленным без перспектив на рынке труда. Молодые люди, не найдя применения своим знаниям и талантам, чувствовали, что расплачиваются за долги предыдущих поколений, получивших выгоду от относительного экономического благополучия первых лет после вступления в ЕС.

Прошло почти полвека с момента падения режима Салазара-Каэтану и за это время Португалия сумела адаптироваться к новым политическим и экономическим реалиям, интегрировавшись в ЕС. Однако страна не смогла ликвидировать отставание от ведущих европейских держав по уровню экономического развития и благосостояния населения. О.В. Тшиака: «Отказавшись от колониальных владений и передав экономическую политику Брюсселю, а внешнеполитическое руководство — Вашингтону, Португалия пытается занять новое место на международной арене,

создавая Сообщество португалоязычных стран и выступая посредником в отношениях между ЕС и другими регионами мира» [58].

Португальские политики, накопившие значительный опыт в управлении внутренними кризисами, занимают влиятельные позиции в международных организациях. Так, Жорже Сампайу был назначен Высоким представителем Генерального секретаря ООН по Альянсу цивилизаций. В январе 2017 г. Антониу Гутерриш возглавил Организацию Объединённых Наций.

Жозе Мануэл Дурау Баррозу провёл на посту председателя Европейской комиссии полный десятилетний срок. Его кандидатура на этот ключевой пост ЕС была выдвинута вскоре после того, как в марте 2003 г., будучи премьер-министром Португалии, он организовал на военной базе Лажеш на Азорских островах встречу с участием президента США Джорджа Буша, премьер-министра Великобритании Тони Блэра и премьер-министра Испании Хосе Марии Аснара. В результате этой встречи было принято решение о начале военной операции НАТО в Ираке.

Став частью коллективного Запада, португальская элита получила возможность выйти на международную арену, занять престижные должности в ведущих международных организациях, о чём пишет Е.Б. Павлова [38, с. 76]. Для Португалии и её элиты членство в НАТО и ЕС считается священным и не подлежит пересмотру. Тем не менее, среди обычных граждан Португалии сохраняется сомнение в том, насколько они действительно выиграли от европейской интеграции.

После вступления в ЕС многие восхищались тем, как Португалии удалось сравнительно безболезненно и быстро перейти от авторитаризма к демократии и адаптироваться к новым реалиям. В те времена страна была охвачена оптимизмом и надеждами. Однако сегодня в обществе всё больше ощущается усталость и неопределённость.

В 2011 г., по случаю 25-летия членства в ЕС, компании «Делойт» и «Метрис» провели масштабный опрос, результаты которого оказались

весьма показательными. Почти 60 % участников выразили мнение, что за четверть века в Евросоюзе их жизнь стала хуже или значительно хуже. Более того, 46 % респондентов заявили, что уровень их жизни был ниже, чем в период диктатуры Салазара.

Подводя итоги рассмотренных преобразований, нельзя не отметить, что вступление Португалии в ряды Европейского союза сыграло роль мощного катализатора экономического и социального развития. Именно проведённые при поддержке европейских структур институциональные реформы положили начало системной реконструкции национальной экономики и качественной модернизации инфраструктуры. Значительные средства из структурных фондов ЕС позволили перестроить устаревшую транспортную сеть, энергетические системы и коммунальное хозяйство, что дало надёжную точку опоры для последующего устойчивого роста.

Одновременно реформы, направленные на дисциплину государственного бюджета и соответствие маастрихтским критериям, привели к заметному снижению инфляции и укреплению макроэкономической стабильности. Помимо этого, интеграция в Евросоюз сопровождалась положительной динамикой на рынке труда и притоком инвестиций. Спустя несколько лет после вступления страны в европейское сообщество наблюдалось устойчивое сокращение уровня безработицы и значительный приток зарубежного капитала, что свидетельствовало о возросшей конкурентоспособности экономики. Расширение единого рынка создало дополнительные рабочие места в промышленности и сфере услуг, тогда как программы профессиональной подготовки и переквалификации при поддержке ЕС помогли повысить квалификацию трудовых ресурсов.

Такое сочетание макроэкономической стабильности и улучшения условий для занятости сопровождалось ростом доходов населения и уменьшением миграционных оттоков квалифицированных кадров. Нельзя не отметить и политическую стабильность, ставшую одним из важных следствий европейской интеграции. Португальская демократия,

сформировавшаяся в первые десятилетия после Революции 1974 г., получила новый импульс к укреплению: приверженность верховенству закона, транспарентности и социальной солидарности оказалась в русле европейских ценностей и укрепила доверие к институтам. Смена правительств происходила в рамках устоявшихся политических процедур, а механизмы сдержек и противовесов — от судебной системы до свободной прессы — доказали свою жизнеспособность [9]. Всё это создало более устойчивую почву для решения внутренних проблем и одновременно способствовало спокойной адаптации страны к общим нормам европейского сообщества.

Вместе с тем нельзя забывать, что на пути интеграции возникали и точки напряжения. Так, ужесточение бюджетной дисциплины и структурные преобразования нередко сопровождалось социальным недовольством и публичными протестами, свидетельствующими о временных издержках реформ. На рубеже 2000-х гг. темпы экономического роста действительно несколько замедлились — совокупное влияние мирового спада и внутренних факторов поставило перед правительством непростые задачи. Наконец, критические настроения части населения относительно некоторых аспектов евроинтеграции, связанные с опасениями утраты национального суверенитета или непопулярных мер жёсткой экономии, неоднократно звучали в общественном дискурсе. Однако все эти сложности являются, по существу, лишь симптомами переходного периода: при продуманных мерах они преодолимы и, главное, не способны перевесить многократно возросшие блага и укреплённое доверие к будущему, принесённые интеграционным курсом.

Таким образом, проведённый анализ наглядно демонстрирует преимущественно благоприятный характер влияния европейской интеграции на экономику и общество Португалии. Несмотря на временные сложности и критику со стороны части населения, страна сохранила

неизменным курс на модернизацию и постепенное выравнивание с общими стандартами ЕС. Преимущества же интеграционного пути — в современной инфраструктуре, макроэкономической стабильности, расширении возможностей трудоустройства и укреплении демократических институтов — оказываются несравненно весомее временных издержек адаптационного периода [54]. В совокупности эти результаты позволяют констатировать прорывной эффект членства в ЕС: европейские реформы, опираясь на национальное управление, заложили фундамент для долгосрочного роста и подъёма благосостояния португальского общества.

2.3. Электоральная динамика в Португалии на основе результатов парламентских и президентских выборов (1987-2024 гг.)

Рассмотрение трансформации политического режима в Португалии невозможно без учёта электорального расклада, полученного в результате многочисленных избирательных кампаний нескольких уровней (парламентские и президентские выборы в самой Португалии, выборы в Европарламент). В условиях консолидированной демократии ключевым принципом остаётся сменяемость власти, которая обеспечивает бесперебойное функционирование уже сформированных после «Революции гвоздик» социальных институтов. Важно отметить, что результаты выборов приведены именно с 1987 г., который стал рубежным после вступления страны в Европейский союз. С этого момента избирательная система Португалии была всецело и полностью регламентирована «Венецианскими принципами».

В июле 1987-го прошли внеплановые выборы, которые превзошли все самые смелые прогнозы руководства Социал-демократической партии (СДП). Эта партия получила более половины голосов избирателей — свыше 50% — и заняла 148 кресел из 250 в парламенте. Такой результат до того времени ни одной политической силе добиться не удавалось.

Социалисты получили 22%, коммунисты — около 12%, «обновленцы» — 5%, а некогда влиятельная партия СДЦ набрала всего 4,5%, за что и получила насмешливое прозвище «партия, поместившаяся в такси» [24, с. 92]. Каваку Силва смог создать правительство меньшинства, опираясь на поддержку СДЦ и «обновленцев».

Впервые в истории СДП удалось самостоятельно сформировать кабинет с парламентским большинством, который сумел прослужить полный четырехлетний срок до новых выборов. В октябре 1991 г. социал-демократы вновь повторили успех, набрав почти 51% голосов, и тем самым продлили правление Каваку Силвы еще на один срок — четыре года.

В феврале 1995 г. Каваку Силва ушёл с поста главы партии. На парламентских выборах в октябре социал-демократы получили 34% голосов, что привело к потере ими трети мест в парламенте. Победу одержала социалистическая партия под руководством Антониу Гутерриша, получившая поддержку 44% избирателей. Несмотря на успех, социалистам не хватило четырёх мест до абсолютного большинства, из-за чего для принятия решений приходилось договариваться с СДП или СДЦ.

Последующие 5 лет характеризовались как «социалистический тандем» президента Сампайю и премьер-министра Гутерриша, что обеспечило и результаты выборов 1999 г., на которых социалисты уверенно получили более 40% голосов избирателей. В октябре 1999 г. социалисты вновь получили 44% голосов и увеличили число депутатов до 115, сформировав новое правительство.

Начало 2000-х гг. в электоральном плане проходили на фоне экономической стагнации, с последующей рецессией. Нараставший ком проблем не смогли остановить ни правительства Социал-демократической партии, побеждавшей на парламентских выборах 2002-го и 2011 гг., ни социалисты, бравшие верх в 2005-м и 2009 гг. В этих условиях граждане страны стали впервые отдавать предпочтения ни харизматичным лидерам

(каковыми являлись Соареш, Силва и Гутерриш), а политикам «новой эры» (Сампайю, Баррозу и Сократеш), которые во главе угла ставили предвыборные обещания, характеризующиеся диаметрально противоположными идейными платформами (от крайне левой до крайне правой). По мнению ряда исследователей, среди которых российский исследователь М. Сигачев, такая ситуация стала основополагающей в рамках «крушения двухпартийного диалога» [51, с. 68].

Падение кабинета Жозе Сократеша положило конец политической карьере одного из самых ярких и перспективных португальских политиков современности. Ученик Антониу Гутерриша, он называл себя последовательным сторонником британского премьера Тони Блэра и настаивал на необходимости модернизации страны. При этом премьер активно внедрял инициативы в сфере «чистой» энергетики, развивал сеть зарядных станций для электромобилей и продвигал концепцию полного электронного правительства.

Однако его реформы выходили за рамки технологий. В традиционно консервативной католической стране энергичный лидер добился отмены уголовной ответственности за аборт, легализации однополых браков, официального признания смены пола и возможности развода без согласия второго супруга.

Правительство социалистов было вынуждено обратиться за международной помощью. В 2011 г. к этой просьбе присоединились и правые партии — Социал-демократическая партия (СДП) и Христианско-демократический союз (СДЦ), которые в итоге взяли на себя управление ситуацией. В июне 2011 г. они одержали победу на досрочных парламентских выборах и сформировали коалиционный кабинет во главе с лидером СДП Педру Пассуш Коэлью. Правое правительство старалось тщательно выполнять требования международных кредиторов — специальной комиссии, созданной при Международном валютном фонде, снижая государственные расходы, сокращая численность госслужащих и

проводя приватизацию государственных компаний. В мае 2014-го премьер-министр заявил о завершении Программы стабилизации и выхода из кризиса без задолженностей.

Правое правительство продержалось до октября 2015 г., когда прошли очередные выборы. Коалиция СДП и СДЦ получила 38,5% голосов, однако кабинет смогла сформировать социалистическая партия, получившая лишь 32%, но сумевшая заручиться поддержкой двух других левых объединений — коммунистов и «Блока левых», куда вошли, в частности, бывшие троцкисты и маоисты. Возглавил правительство новый лидер социалистов Антониу Кошта.

В октябре 2019 г. социалисты улучшили результаты, набрав 36%, в то время как СДП довольствовалась 27%. Антониу Кошта остался у руля правительства, продолжая работать в условиях парламентского большинства при поддержке левых фракций. В президентском дворце ему приходилось договариваться с представителем правых — бывшим главой СДП Марселу Ребелу де Соузой.

Отдельно стоит отметить устойчивое снижение избирательной активности. Несмотря на глубокий и затяжной социально-экономический кризис, а также появление новых политических игроков, население всё меньше интересуется выборами. Если в 2005 г. явка превышала 65%, то в 2019-м она упала ниже 49% [47, с. 25]. Впервые в истории количество проголосовавших оказалось меньше числа тех, кто проигнорировал выборы.

Феноменом парламентских выборов 2019 г. стало появление на политической арене партии «Чега» (Chega!) (в пер. с португальского — «Хватит»). Партия возникла после того, как в 2018 г. в Социал-демократической партии произошёл раскол (ряд ультраправых социал-демократов во главе с Андре Винтурой предпочли покинуть ряды СДП, создав новую политическую единицу). Тогда партии удалось набрать

только 1,2%, однако уже сразу после выборов рейтинг партии подлетел до 5 процентных пунктов.

В конце 2021 г. в стране произошло серьёзное потрясение, поскольку кабинет министров во главе с Антониу Коштой не смог провести в Ассамблее Республики бюджет на 2022 г. Основная причина – подавляющее большинство политических сил выступили против увеличения дефицита, который предполагалось направить на меры социально поддержки, а также увеличение оборонных расходов, которые предполагалось направить на нужды НАТО. Парламентские выборы 2022 г. стали разгромом антисоциалистических сил, партия Кошты набрала 120 мест, сумев преодолеть негодование оппонентов. Однако вместе с этим 7,2% на выборах набрала партия «Чега», а традиционные социал-демократы впервые в новейшей истории не смогли преодолеть 30% порог.

В 2023 г. Португалию поразил политический скандал: в резиденции премьер-министра Кошты состоялись полицейские обыски, целью которых было выявление иностранного влияния на премьер-министра. Не дожидаясь результатов расследования, Антониу Кошта написал прошение об отставке, за которым последовал указ президента республики о роспуске Ассамблеи Республики. Однако спустя несколько недель опубликованная прокуратурой информация показала, что расследование было направлено не на действующего премьер-министра, а на его полного тезку и коллегу по кабинету министров – Антониу Кошту Силву (министра экономики). Результатом данной ситуации стала полная смена руководства в рядах Социалистической партии. Как следствие, на выборах 2024 г. уверенную победу одержала социал-демократическая партия во главе с Луишем Монтенегру, который и стал новым премьер-министром [20]. Информация о результатах получена на основе данных Национальной избирательной комиссии Республики Португалия, раздел «Парламентские выборы» (Таблица 1) [80].

Таблица 1. Результаты парламентских выборов в Португалии, с указанием премьер-министров (1987-2024 гг.)

Год проведения парламентских выборов	Партия, набравшая большинство	% голосов	Количество мест в парламенте	Премьер-министр
1987	Социал-демократическая партия (PSD)	50,2%	148	Анибал Каваку Силва
1991	Социал-демократическая партия (PSD)	50,6%	135	Анибал Каваку Силва
1995	Социалистическая партия (PS)	43,8%	112	Антониу Гутерриш
1999	Социалистическая партия (PS)	44,1%	115	Антониу Гутерриш
2002	Социал-демократическая партия (PSD)	40,2%	105	Жозе Мануэл Баррозу
2005	Социалистическая партия (PS)	45,0%	121	Жозе Сократеш
2009	Социалистическая партия (PS)	36,6%	97	Жозе Сократеш
2011	Социал-демократическая партия (PSD)	38,6%	108	Педру Пасуш Коэлью
2015	Социалистическая партия (PS)	32,3%	86	Антониу Кошта
2019	Социалистическая партия (PS)	36,3%	108	Антониу Кошта
2022	Социалистическая партия (PS)	41,4%	120	Антониу Кошта
2024	Социал-демократическая партия (PSD)	28,8%	80	Луиш Монтенегру

В январе 1991 г. Мариу Соареш был переизбран на пост президента с убедительным отрывом от конкурентов, причем второй тур голосования не потребовался. За него проголосовали примерно 70% избирателей. Такого выдающегося результата бывшему генеральному секретарю социалистической партии удалось достичь благодаря чёткому выполнению предвыборного обещания быть главой государства для всех португальцев, а не только своей партии. В своей политической деятельности он проявил гибкость, легко переключившись с активного партийного лидера на образ умиротворённого и объединяющего президента.

В январе 1996-го прошли президентские выборы, на которые Мариу Соареш, уже отслуживший два срока, не мог претендовать. После неудачи социал-демократов в парламентских выборах Каваку Силва решил попытать удачу в борьбе за президентский пост, но и на этот раз ему не удалось одержать победу. Новым президентом был избран социалист Жорже Сампайю, набравший 54% голосов.

Выборы снова свелись к традиционному противостоянию правых и левых. Единственными кандидатами, оставшимися в гонке, стали Сампайю и Каваку Силва, остальные участники сняли свои кандидатуры. Голоса избирателей разделились практически поровну, причем север страны поддержал одного из кандидатов, а юг — другого.

Созданный социалистически-президентский союз вывел Португалию в новый век – в 2001 г. Жорже Сампайю переизбрался на второй президентский срок с результатом в 56%.

Каваку Силва, занявший пост президента в 2006 г., не смог предотвратить обострение кризиса. В течение первых пяти лет своего второго срока ему пришлось выстраивать непростые отношения с социалистическим кабинетом под руководством Жозе Сократеша. Помимо идейных разногласий, между двумя политиками стоял и значительный возрастной разрыв, однако пожилой глава государства, хоть и не одобрял инициативы молодого премьера, старался вести себя сдержанно.

В 2016 г. президентские выборы ознаменовались созданием альянса из политических сил (Социал-демократическая партия, Народная партия, Народная монархическая партия), которые выступили в поддержку, к тому моменту, беспартийного кандидата Марселу Ребелу де Соуза. Интересным фактом является то, что Соуза является крестником бывшего премьер-министра Португалии Марселу Каэтану. Отец будущего президента работал в секретариате экс-премьер-министра. Ключевой задачей оппонентов стало формирование у избирателей облика неразрывного тандема Каэтану-Соуза. Однако уже в первом туре кандидату от альянса социал-демократических сил удалось набрать 52% голосов избирателей.

Президентские выборы 2021 г. установили новый антирекорд — явка не достигла и 40%. Пандемия коронавируса, конечно, внесла свой вклад, но и без неё наблюдалось выраженное равнодушие к гражданским обязанностям. Это явление указывает на возможность начала новой волны нестабильности в стране. Политическая система, сформированная в эпоху «Революции гвоздик» и последующей борьбы между левыми и правыми, постепенно исчерпывает свой потенциал. Президентское кресло по результатам выборов 2021 г. вновь занял Ребелу де Соуза.

В условиях разочарования в традиционных партиях на первый план выходят новые игроки. Так, на президентских выборах 2021 г. лидер правой популистской партии «Чега» («Хватит!») Андре Винтура, созданной летом 2019-го, занял третье место, отстав от второго кандидата всего на один процент. Хотя рекордно низкая явка может сделать этот успех временным, он стал дополнительным сигналом тревоги для политической элиты страны. Информация о результатах получена на основе данных Национальной избирательной комиссии Республики Португалия, раздел «Президентские выборы» (Таблица 2) [79].

Таблица 2. Результаты президентских выборов в Португалии (1987-2021 гг.)

Год	Избранный	Партия	% голосов
-----	-----------	--------	-----------

	президент		
1991	Мариу Соареш	Социалистическая партия (PS)	70,4%
1996	Жоржи Сампайю	Социалистическая партия (PS)	53,9%
2001	Жоржи Сампайю	Социалистическая партия (PS)	55,6%
2006	Анибал Каваку Силва	Социал- демократическая партия (PSD)	50,5%
2011	Анибал Каваку Силва	Социал- демократическая партия (PSD)	52,9%
2016	Марселу Ребелу де Соуза	Социал- демократическая партия (PSD)	52,0%
2021	Марселу Ребелу де Соуза	Социал- демократическая партия (PSD)	60,7%

Первый евроизбирательный тур 1987 г. прошёл на волне оптимизма после вступления Португалии в Европейский союз. Правящая Социально-демократическая партия (PSD) под руководством Анибала Каваку Силва сумела привлечь значительную часть голосов — около 37,5% (10 мандатов). Успех социал-демократов объясняется экономическим подъёмом и доверием избирателей к «красному мерседесу» Каваку, укреплявшего позицию Португалии в Европе. В свою очередь, напротив, Социалисты (PS) получили около 22,5% (6 мест), оставаясь главной оппозицией, в то время как Народная партия (PDS-PP) заняла третье место с 15,4%. Новая партия возрождения (PRD), возникшая вокруг президентской фигуры, в 1987 г. стремительно потеряла поддержку (4,4%, 1 мандат) из-за утраты электорального конструктива.

В 1989 г. социал-демократы снова возглавили гонку (32,8%, 9 мандатов), но их результаты снизились почти на 5% относительно 1987 г. Постепенное возрождение в Португалии «экономического чуда» не предотвратило умеренную потерю голосов социал-демократами, поскольку избиратели традиционно за счёт «протестного голосования» на

промежуточных выборах выражают недовольство действующей правящей партией. В противовес этому Социалистическая партия укрепила позиции до 28,5% (8 мест), сократив разрыв до рекордно низких 4-х пунктов. Коммунистический альянс (CDU) получил 14,4% (4 места), обойдя Народную партию (14,2%, 3 места). Существенное падение явки (до 51%) говорит о снижении электоральной активности, что усиливает влияние переманивающих идей и тактик, объясняющих рост коммунистов и ультралевых партий, а в дальнейшем - ослабление консерваторов.

Следующая волна выборов в Европарламент (1994–1999) закрепила тенденцию к сближению левоцентристских и правоцентристских сил. В 1994 г. социалисты впервые с 1983 г. опередили социал-демократов, набрав 34,9% (10 мест) против 34,4% (9 мест). Такая ситуация отражала девятилетнее правление Каваку Силвы и некоторую усталость электората, при этом социалистам удалось прибавить 6% голосов по сравнению с прошлой гонкой. Народная партия с её традиционной националистической риторикой заняла третье место (12,5%, 3 места), а традиционный союз коммунистов и зелёных просел до 11% (3 места).

К 1999 г. Социалистическая партия под руководством президента М. Соареша, пережила «легендарный подъём»: за неё отдали голоса свыше 43% избирателей (12 мест). Напротив, Социал-демократическая партия лишь удержала 9 мест при 31,1% голосов, потеряв почти треть электората сравнительно с 1994 г. Коммунистам во главе с их бессменным лидером А. Куньялом досталось 10,3% (2 места), Народной партии – около 8% (2 места).

Восстановление явки до 40% свидетельствовало о повышенной мотивации голосовать в период экономического подъёма и подготовки к принятию евро. Электоральный период 2004–2009 гг. демонстрирует сильную ротацию настроений, которые оказались на стороне социал-демократической партии (период характеризуется постепенным накалом консервативных настроений в кризисные годы). На выборах 2004 г.

социалисты одержали явную победу: 44,5% голосов (12 мест), что стало рекордным результатом левоцентристов. Центристско-правый блок социал-демократов и Народной партии в коалиции «Вперёд, Португалия!» получил лишь 33,3% (9 мест), существенно уступив результату 1999 г. Поддержка коммунистического блока снизилась до 9,1%, а леворадикальный «Левый блок» (ВЕ) впервые преодолел барьер (4,9%, 1 место).

Через пять лет ситуация изменилась: социалисты потеряли 18% голосов на фоне трудного внутрипартийного положения и начала экономического кризиса, тогда как социал-демократы неожиданно выиграли (31,7 %, 8 мест) – первое подобное достижение с 1989 г. Народная партия также поднялась до 8% (2 места), а на левом фланге (10,7 %, 3 места), чему способствовало стягивание протестных голосов социалистов в сторону более радикального левого крыла. Явка оставалась по-прежнему низкой – около 37%, что усиливало эффекты «поколения выборщиков» и электорального расчёта.

В 2014–2019 гг. процессы ещё более фрагментировались. На выборах 2014 г. социалисты уже в послекризисном подъёме смогли набрать 31,5% (8 мест), несколько превзойдя результаты 2009-го, однако ожидания были выше. Правая коалиция «Альянс Португалии» рухнула до 27,7% (7 мест) – худший результат за всю историю объединения. При этом коммунисты обновили максимум с 1989 г. (12,7%, 3 места), перетянув часть голосов умеренных от Левого блока, который рухнул до 4,6% (1 место) из-за внутренних разногласий. Главной неожиданностью стали 7,2 % и 2 места новой партии «Земля» (МРТ).

В 2019 г. Социалистическая партия во главе с Антониу Коштой ещё раз выиграла выборы (33,4%, 9 мест), как правящая партия, а стремительное падение социал-демократов продолжилось до исторического минимума на выборах в Европейский парламент (21,9%, 6 мест). Левый блок восстановил поддержку до 9,8% (3 места) на волне

протестных настроений, тогда как рейтинг Народной партии опустился до 6,9% (2 места). Новым явлением на этих выборах стало появление партии «Животные-природа» (PAN) – 5,1% (1 место) и принятые в 2018 г. избирательные новации (автоматическая регистрация и досрочное голосование), что так и не смогло удержать явку, которая сократилась до рекордных 30,7%. Эти результаты отражают расход левых партий и рост экологических и, одновременно, консервативных запросов.

На выборах 2024 г. сохранилась тенденция политической поляризации. Социалисты во главе с Мартой Темиду набрали 32,% (8 мест), лишь немного обогнав правый «Демократический альянс» (31,1%, 7 мест). Эта картина почти точно повторяет узкий расклад парламентского голосования в марте 2024 г., свидетельствуя о высокой политической конкуренции. Однако следует заметить, что социал-демократам не удалось обойти социалистов на выборах в Европарламент, хотя на парламентских выборах расклад оказался именно в пользу социал-демократов, лидером которых стал действующий премьер-министр Луиш Монтенегру. Основным «сюрпризом» стало появление новых, ультрарадикальных флангов: ультраправая Chega (CH) получила 9,8% (2 места), а либеральная «Инициатива Либераль» (IL) – 9,08% (2 места). Напротив, традиционные левые силы значительно потеряли позиции: «Левый блок» «упал» до 4,25% (1 место) (Приложение 6).

На фоне роста явки до 42,3% возникает партийная консолидация основной конкуренции вокруг центристских лагерей, и постепенная уступка политических ниш более радикальным силам. Информация о результатах получена на основе данных Национальной избирательной комиссии Республики Португалия, раздел «Выборы в Европейский парламент» (Таблица 3) [81].

Таблица 3. Результаты выборов в Португалии в рамках выборов в Европейский парламент (1987-2024 гг.)

Год	Победившая	% голосов	Количество
-----	------------	-----------	------------

	партия		мест
1987	Социал-демократическая партия (PSD)	37,1%	10
1989	Социалистическая партия (PS)	28,5%	8
1994	Социал-демократическая партия (PSD)	34,1%	9
1999	Социалистическая партия (PS)	43,1%	12
2004	Социал-демократическая партия (PSD)	33,3%	9
2009	Социалистическая партия (PS)	26,6%	7
2014	Социал-демократическая партия (PSD/CDS-PP коалиция)	27,7%	7
2019	Социалистическая партия (PS)	33,4%	9
2024	Социалистическая партия (PS)	32,1%	8

Электоральная динамика Португалии в 1987–2024 гг. демонстрирует сочетание стабильности двух главных партий с неуклонным ростом многопартийности. На протяжении трёх десятилетий социалисты и социал-демократы неизменно контролируют большинство мандатов Ассамблеи Республики и Европарламента, однако доля их голосов сильно варьируется в зависимости от политического контекста и удовлетворённости электората [53, с. 47]. Например, правительство Социал-демократической партии конца 1980-х гг. и социалистическая администрация конца 1990-х гг. регулярно чередовались на первом месте. При этом, зачастую, ситуация с президентскими выборами отличалась диаметральной противоположностью и голосованием против действующей правящей партии (такая ситуация сложилась с конца 1990-х гг.).

Тем не менее, глубинные тенденции проявляются в постепенном снижении доверия к традиционным партиям (особенно в периоды

экономических трудностей) и подъёме новых игроков (ультраправых). Так, в последней трети анализируемого периода возникли существенные вызовы монополии тандема социал-демократов/социалистов со стороны ультраправой партии «Chega». Успехи небольших партий в рамках последних парламентских выборах сигнализируют о дроблении электората и неустойчивости «постоянных» избирательных паттернов.

С точки зрения электорального поведения рядовых граждан Португалии можно говорить о некоторой устойчивости партийных ориентаций: выдвижение конкретных кандидатов и тематические кампании влияют меньше, чем общая экономическая и социальная конъюнктура. В условиях уверенного экономического роста и положительных ожиданий правая Социал-демократическая партия выигрывала, тогда как периоды стагнации и реформаторской нагрузки смещали баланс в пользу Социалистической партии или других оппозиционных сил.

Несмотря на явное падение явки избирателей (в качестве примера можно рассматривать рекордно низкую явку на парламентских выборах в 2019 г.), тенденция последних лет (постепенно восстанавливающийся рост участия электората) говорит о «взрослении» электората и возрастании значимости европейских вопросов.

Институционально электоральная система в стране осталась неизменной после вступления в ЕС и утверждения «Венецианских принципов»: пропорциональная избирательная модель и единый национальный округ позволяют выявлять нюансы электоральных предпочтений (в частности, и по сей день политический выбор страны чётко поделён между севером и югом). Развитие избирательного законодательства (автоматическая регистрация, раннее голосование) лишь постепенно видоизменяет картину. Баланс сил между крупными партиями и новыми партийными структурами определялся не столько формальными

новациями, сколько внутренними кризисами или консолидацией электората вокруг политических лидеров/социальных проблем.

В целом, результаты португальских выборов отражают закономерности национальной политики страны в последние годы: плавный сдвиг от монопартийного доминирования к многополярности, усиление популистских настроений. Однако нельзя не отметить тот факт, что надёжный базовый электорат социалистов и социал-демократов сохраняется в большинстве. Эти выводы основаны на основе данных выборов всех трёх уровней (президентских, парламентских, а также выборов в Европейский парламент). По итогам избирательного цикла 2024 г. основная борьба сохраняется между центром и умеренным крайним (ультраправым) курсом, хотя и происходит существенная трансформация партийной карты страны.

Заключение

Проведённый анализ позволил установить, что идеологическая конструкция режима, сформировавшегося в Португалии в условиях кризиса 1920-х гг., представляла собой уникальное сочетание корпоративной экономической модели, католического традиционализма и авторитарного национализма. В ходе изучения политических программ и нормативных документов периода правления А. Салазара и его преемника М. Каэтану было выявлено, что акцент на «лузо-тропикалистское единство» и «естественное» деление общества на категории, большая часть из которых не имела доступа к власти, использовался в качестве концептуального обоснования отказа от либерального парламентаризма. Режим «Нового государства» опирался на идею стабильности и ультрареакционной консолидации, что в значительной степени препятствовало обновлениям и обусловило его внутреннюю хрупкость, которая проявилась после начала колониальных конфликтов в 1960-е гг. Кроме того, важно заметить, что политическая культура периода «Нового государства» демонстрировала устойчивое неприятие оппозиционности и гражданской активности (в особенности – коммунистического толка), что создало предпосылки для глубинного социального недовольства к началу 1970-х гг., которое сопровождалось отторжением левых идей консервативно настроенным населением страны.

Результаты исследования показали, что события 25 апреля 1974 г., хотя и разворачивались в течение краткого времени, стали логическим результатом затяжного кризиса легитимности, усилившегося в результате внешнеполитической изоляции (обусловленной колониальными войнами) и нарастающих противоречий внутри правящей элиты, в том числе, среди элиты военной. Детальный анализ событий, предшествовавших «Революции гвоздик», подтвердил, что катализатором произошедшего выступил не только антивоенный настрой, обусловленный колониальными конфликтами, но и внутренняя эрозия административной и политической

системы, неспособной адаптироваться к новым вызовам. Как важно отметил А.М. Хазанов: «Особое значение в демонтаже прежнего режима сыграла армия, чья радикализация во многом была обусловлена длительным участием в колониальных войнах» [64, с. 359]. Таким образом, можно констатировать, что крушение «Нового государства» явилось не случайной вспышкой протестной активности, а закономерным итогом институционального застоя, вызванным неспособностью авторитарных режимов к внутренней трансформации.

Анализ интеграционных процессов, начавшихся в Португалии в постреволюционный период, позволил установить, что движение в сторону Европейского сообщества представляло собой не только внешнеполитический вектор, но и внутренний механизм легитимации нового демократического курса. Вступление в ЕЭС в 1986 г. стало кульминацией десятилетнего институционального и правового сближения, результатом которого явилась последовательная адаптация национального законодательства, а также утверждение в общественном сознании представления о Европе как о модели политической модернизации. Следует отметить, что евроинтеграция сыграла для Португалии роль фактора стабилизации в условиях политических колебаний, особенно в начальный период становления демократических институтов (вторая половина 1970-х гг.). В результате этого, европейский вектор развития стал своеобразным индикатором необратимости демократических преобразований в стране и инструментом внешней поддержки внутренней политической трансформации демократии.

Исследование показало, что после падения авторитарного политического режима Португалия прошла через масштабную институциональную трансформацию, охватившую все ключевые сферы жизни общества. Принятие Конституции 1976 г. и внесение в неё последующих поправок стали фундаментом, на котором и по сей день выстроена современная парламентская республика, отличающаяся чётким

балансом между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти, а также высокой степенью гарантии прав и свобод граждан. Смелова М.Н. особенно подчёркивает: «Последовательно реализуемые реформы в сфере избирательного права, судебной системы и местного самоуправления не только укрепили демократическое устройство страны, но и обеспечили условия для устойчивой политической конкуренции, наблюдающейся и по сей день» [54]. Примечательно, что на протяжении нескольких десятилетий модель функционирования Республики Португалия демонстрирует устойчивость даже в периоды социально-экономических кризисов, что позволяет уверенно говорить о сформировавшейся политической культуре европейского вида.

Одним из наиболее значимых итогов постреволюционного периода стали масштабные преобразования в экономической и социальной сферах, которые позволили Португалии выйти из состояния структурной экономической отсталости и занять позицию полноценного участника европейского экономического пространства. Сравнительный анализ макроэкономических показателей позволил нам выявить последовательный рост ВВП, а также расширение сферы услуг и повышение уровня инвестиционной привлекательности страны. Важным направлением государственной политики стала реализация программ по сокращению регионального неравенства, значительная часть которых осуществлялась при финансовой поддержке ЕС и МВФ. Несмотря на сохраняющиеся вызовы, среди которых высокий уровень государственного долга и зависимость от внешней валютной конъюнктуры, Португалия сумела выстроить модель сбалансированного развития, опирающуюся на институциональную стабильность и интеграцию в международные глобальные рынки. Социальные реформы, направленные на расширение доступа к образованию, здравоохранению и социальной защите (чтобы было попросту неприемлемо во времена правления А. Салазара), стали неотъемлемой частью процесса демократической консолидации.

Ретроспективный анализ электоральных циклов за период с 1987 по 2024 гг. продемонстрировал устойчивое развитие конкурентной партийной системы, отражающей как традиционные политические предпочтения (сохранение лидирующих позиций Социалистической партии и Социал-демократической партии), так и актуальные общественные запросы (рост популярности ультраправой партии «Chega»). Наблюдается и чередование периодов доминирования ведущих партий — прежде всего Социалистической партии и Социал-демократической партии, — с фазами роста поддержки альтернативных политических сил, включая левые и правопопулистские движения. При этом, важно заметить, что общая электоральная активность остаётся относительно стабильной, а институциональные механизмы обеспечения прозрачности выборов способствуют укреплению доверия к демократическим процедурам. В последние годы заметно усилилось влияние новых политических повесток, связанных с экологией, социальной справедливостью и цифровой трансформацией. На данном этапе Португалия представляется нам как зрелая европейская демократия с устойчивыми институтами, активным гражданским обществом и способностью адаптироваться к вызовам XXI века, сохраняя при этом историческую преемственность и приверженность основополагающим ценностям демократии.

Список использованных источников

I. Источники

1. Гражданский кодекс Португальской республики от 16.12.1966 г. – URL: <https://constitutions.ru/?p=24493> (дата обращения: 23.05.2023).
2. Договор о Европейском Союзе (Маастрихтский договор) от 07.02.1992 г. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/RU/TXT/?uri=CELEX%3A11992M%2FTXT> (дата обращения: 25.05.2025).
3. Единый европейский акт (ЕЕА) от 01.07.1987 г. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901771690> (дата обращения: 23.05.2023).
4. Закон об административной процедуре Португальской Республики (Código do Procedimento Administrativo) от 06.11.1991 г. – URL: <https://dre.pt/dre/detalhe/lei/6-1991-234622> (дата обращения: 25.05.2025).
5. Конституция Португальской республики от 19.03.1933 г. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=1084>. - Загл. с экрана. – 17.09.2024.
6. Конституция Португальской республики от 02.04.1976 г. – Режим доступа: <https://legalns.com/компетентные-юристы/правовая-библиотека/конституции-стран-мира/конституция-португалии>. - Загл. с экрана. – 17.09.2024.
7. Куньял, А. Страницы борьбы: из истории ПКП и антифашистской борьбы в Португалии / А. Куньял [перевод с португальского А. Куньяла]. – М.: Мысль, 1977. – 356 с.
8. ООН. Генеральная ассамблея. Семнадцатая сессия, 1186-е пленарное заседание. Доклад правительства Португалии «О положении дел в Анголе и Мозамбике» от 07.12.1962 г. – Режим доступа: https://digitallibrary.un.org/record/733347/files/A_PV-1186-RU.pdf. - Загл. с экрана. – 23.05.2022.
9. Реформа судебной карты Португалии от 01.09.2014 г. – URL: <https://justica.gov.pt/Мара-Judiciario> (дата обращения: 25.05.2025).

10. Энциклика Папы Римского Пия XII, подтверждающий конкордат между Ватиканом и Португалией от 13.06.1940 г. – Режим доступа: https://www.vatican.va/content/pius-xii/en/encyclicals/documents/hf_p-xii_enc_13061940_saeculo-exeunte-octavo.html. - Загл. с экрана. – 23.05.2022.
11. Caetano, M. Depoimento / M. Caetano - Rio de Janeiro: Distribuidora Record, 1975, 144 p.
12. Salazar, A.O. Discursos e Notas Políticas - 1928 a 1966 / A.O. Salazar – Coimbra: Coimbra Editoria. Vol. IV, 1966, 1140 p.
13. Soares, M. Portugal: quelle révolution? Entretiens avec Dominique Pouchin / M. Soares – Paris: Calmann-Lévy, 1976, 111 p.
14. Sulzberger, C.I. Reds seek to lead foes of Salazar; Portuguese Party Beginning Bold War of Nerves // The New York Times. May, 30. 1962. P. 2. Access mode: <https://www.nytimes.com/1962/05/30/archives/reds-seek-to-lead-foes-of-salazar-portuguese-party-beginning-bold.html?searchResultPosition=3>.
15. Whitman, A.R. Antonio Salazar: A Quiet Autocrat Who Held Power in Portugal for 40 Years // The New York Times. July, 28. 1970. P. 19. Access mode: <https://www.nytimes.com/1970/07/28/archives/antonio-salazar-a-quiet-autocrat-who-held-power-in-portugal-for-40.html>.

II. Литература

16. Борьба за освобождение португальских колоний в Африке (1961 - 1973) / сб. статей под ред. В.Г. Садовникова. – М.: Наука, 1975. – 304 с.
17. Варела, Л. Историографические дискуссии о значении революции гвоздик 1974-1975 годов (перевод с португальского к.ф.н. К. Лопатиной) / Л. Варела // БЕРЕГИНЯ.777.СОВА . 2014. №1 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriograficheskie-diskussii-o-znachenii-revoljutsii-gvozdik-1974-1975-godov-perevod-s-portugalskogo-kandidata-filologicheskikh-nauk> (дата обращения: 25.05.2025).

18. Варьяш, О.И. Португалия: дороги истории / О.И. Варьяш, А.П. Черных. – М.: Наука, 1990. – 144 с.
19. Гильермо, Г. Апрельская революция 1974 г. и демократические преобразования в Португалии (1974-1976 гг.) : специальность 07.00.03 "Всеобщая история (соответствующего периода)" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Гильермо Гомеш. – Москва, 2004. – 24 с.
20. Гуселетов, Б.П. Итоги парламентских выборов в Португалии и их влияние на российско-португальские отношения // Наука. Культура. Общество. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/itogi-parlamentskih-vyborov-v-portugalii-i-ih-vliyanie-na-rossiysko-portugalskie-otnosheniya> (дата обращения: 29.10.2024).
21. Ермаков, В.Т. Перекрёстки португальской революции / В.Т. Ермаков, В.В. Поляковский. – М.: Прогресс, 1978. – 224 с.
22. Завадская, М.А. Когда выборы выходят из-под контроля? Непреднамеренные электоральные последствия в соревновательных авторитарных режимах / М. А. Завадская // Политическая наука. – 2012. - №3. – С. 118-134.
23. Ивани, М. Кризис либеральной демократии в Португалии и «Новое государство» Салазара / М. Ивани [перевод с итальянского Н.Н. Поташинской] // Берегиня.777.Сова. – 2014. - №4. – С. 268-278.
24. Иванов, Ю.В. Португальские левые и проблемы «Европейского выбора» / Ю. В. Иванов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2012. – № 2. – С. 90-96.
25. Игнатъев, О.К. По тропам войны. Дневники с трёх фронтов Гвинеи (Бисау) / О.К. Игнатъев. – М.: Издательство политической литературы, 1972. – 192 с.
26. Игнатъев, О.К. Три выстрела в районе Миньер / О.К. Игнатъев. – М.: Профиздат, 1976. – 144 с.

27. Игнатъев, О.К. Португалия. Фотоочерки о стране / О.К. Игнатъев. – М.: Планета, 1984. – 168 с.
28. Камю, Ж.И. Движения и государственные режимы крайне правых в Южной Европе (1945-1989) / Ж. И. Камю, Н. Лебур // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. – 2016. – № 4(31). – С. 30-40.
29. Капланов, Р.М. Португалия после Второй мировой войны (1945 - 1974) / Р.М. Капланов. – М.: Наука, 1992. – 188 с.
30. Килячков, Н.А. Португалия и Европа: путь к единству // Дайджест-финансы. 2001. №10 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/portugaliya-i-evropa-put-k-edinstvu> (дата обращения: 20.05.2025).
31. Кошель, А.С. «Мини-парламенты» в постдиктатурных демократиях Западной Европы и Латинской Америки / А. С. Кошель // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2020. – Т. 24, № 4. – С. 942-964.
32. Кривцов, Н.В. Португалия: исторический путеводитель / Н.В. Кривцов, Л.И. Ларкина. – М.: Вече, 2008. – 320 с.
33. Кутырев, Г.И. «Новое государство» в Португалии: формирование, эволюция и крах / Г.И. Кутырев // Неприкосновенный запас. – 2018. - №4. – С. 200-215.
34. Мендес, Р.Д. Диктатуры на Пиренейском полуострове и латиноамериканский популизм: лицом к лицу (Франко, Салазар, Варгас и Перон) / Р.Д. Мендес [перевод с испанского Л.С. Окуневой] // Полис: политические исследования. – 2016. - №11. – С. 221-234.
35. Муслимова, Е.О. Реализация региональной политики ЕС в странах Пиренейского полуострова в кон. XX - нач. XXI в. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Муслимова Екатерина Олеговна; [Место защиты: ФГАОУ ВО Тюменский государственный университет]. - Тюмень, 2019. - 28 с.

36. Осипова, Е.П. Вступление Бельгии, Португалии и Греции в ЕС // Океанский менеджмент. - 2017. - №1. - С. 191-199.

37. Павлова, Е.Б. Политика интеграции Португалии и португалоязычных стран. Тезисы выступления на научной конференции. 25 лет португальской революции // Латинская Америка. - № 10 (октябрь), 2000 - С. 60-61.

38. Павлова, Е.Б. Португалия и интеграционные процессы в современном мире (Политические аспекты) : специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Павлова Елена Борисовна. – Санкт-Петербург, 2000. – 149 с.

39. Павлова, Е.Б. Проблема Восточного Тимора в деятельности ООН и во внешней политике Португалии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 6 (Социология и международные отношения). - Выпуск 3 (22), 2000 - С. 141-145.

40. Павлова, Е.Б. Формирование партийной системы в послереволюционной Португалии // Политический менеджмент: теория, методология, практика. - Тезисы конференции: Политический менеджмент: теория, методология, практика. Декабрь, 1999. СПб.: СПбГУ. 1999. - С. 116-118.

41. Петров, М.А. Трансформация политических институтов в период перехода от авторитаризма к демократии на опыте Испании : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Петров Михаил Александрович; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена].- Санкт-Петербург, 2009.- 199 с.

42. Писарец, И.Г. Португалия: в поисках нового пути / И.Г. Писарец. – М.: Международные отношения, 1986. – 152 с.

43. Поляков, А.К. Португалия. Полная история / А.К. Поляков. – М.: АСТ, 2021. – 480 с.

44. Португалия: путь от революции... / Б. П. М. Авелино, А. В. Авилова, В. Л. Верников [и др.] ; Авелино Басао Педро Мигель, Авилова А. В., Верников В. Л., Фернандес Руи Гама, Кирсанова Н. В., Коваль Т. Б., Понеделко Г. Н., Португал Дуарте Антонио, Прохоренко И. Л., Резола Мария Инасиа, Русинова О. Е., Сапрыкина О. А., Соуса Андраде Жоао, Трофимова О. Е., Яковлева Н. М., Яковлев П. П.; ответственный редактор: В. Л. Верникова; Российская академия наук, Институт Европы. – Москва : ООО «Издательство «Весь Мир», 2014. – 365 с.

45. Португалия: эпоха перемен / отв. ред. Н.М. Яковлевой. – М.: ИЛА РАН, 2014. – 234 с.

46. Поташинская, Н.Н. Церковь Португалии и «Революция гвоздик» / Н.Н. Поташинская // Контуры глобальных трансформаций. – 2014. - №1. – С. 153-167.

47. Рожкова, А.К. Становление гражданского общества Португалии: историко-правовой аспект деятельности консультативного совета / А. К. Рожкова // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2022. – № 1. – С. 24-27.

48. Сарайва, Ж.Э. История Португалии / Ж.Э. Сарайва [перевод с португальского М.Е. Кабицкого]. – М.: Весь мир, 2007. – 386 с.

49. Сигачев, М. И. Историческое наследие Португалии как фактор разделения и сплочения общества / М. И. Сигачев, С. П. Артеев // Международная аналитика. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 116-129.

50. Сигачев, М.И. Лузофонный мир Ибероамерики: между «левой волной» и «правым поворотом» (на примере Португалии и Бразилии) / М. И. Сигачев, Ю. А. Тимофеева // Ибероамериканские тетради. – 2022. – Т. 10, № 1. – С. 53-68.

51. Сигачев, М.И. Партийно-политический ландшафт Португалии: левые и правые в современной португальской политике / М. И. Сигачев // Теория и методология науки о международных отношениях : Сер. Выпуск 24 Мировое развитие, Москва, 21–22 апреля 2022 года. – Москва:

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 2023. – С. 64-72.

52. Сигачев, М.И., Артеев, С.П. Португальский мир как транснациональное пространство: политическое измерение. — Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 2. С. 37-51.

53. Смелова, М.Н. Иберийский полуостров: авторитарные режимы и особенности перехода к демократии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. – 1995. – № 1. – С. 28-57.

54. Смелова, М.Н. 2000. 03. 013-014. Португалия: по пути демократии в ев-ропу. (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал. 2000. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2000-03-013-014-portugaliya-po-puti-demokratii-v-ev-ropu-svodnyy-referat> (дата обращения: 24.05.2025).

55. Старостина, Е.В. Переход южноевропейских стран от авторитаризма к демократии в концепциях западных политологов (на примере Испании и Португалии) : автореф. дис. ... канд. полит, наук / Е. В. Старостина. - М. : [б. и.], 1992. - 25 с.

56. Суарес, М.А. Понять португальскую революцию / М.А. Суарес // БЕРЕГИНЯ.777.СОВА . 2014. №1 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyat-portugalskuyu-revolyuetsiyu> (дата обращения: 25.05.2025).

57. Суханов, В.И. «Революция гвоздик» в Португалии: страницы истории / В.И. Суханов. – М.: Мысль, 1983. – 239 с.

58. Тшиака, О.В. Двадцатилетие Содружества португалоязычных стран: итоги и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvadtsatiletie-sodruzhestva-portugaloyazychnyh-stran-itogi-i-perspektivy> (дата обращения: 17.01.2025).

59. Фесуненко, И.С. По обе стороны экватора / И.С. Фесуненко. – М.: Молодая гвардия, 1988. – 446 с.
60. Филатов, Г.А. Революционная борьба против Салазара: захват корабля «Санта-Мария» в 1961 г / Г. А. Филатов // Электронный научно-образовательный журнал "История". – 2023. – Т. 14, № 9 (131).
61. Хазанов, А.М. Величие и падение португальской колониальной империи / А.М. Хазанов. – М.: Русаки, 2007. – 169 с.
62. Хазанов, А.М. Крушение последней колониальной империи: Португалия и её бывшие колонии в Африке / А.М. Хазанов. – М.: Мысль, 1986. – 224 с.
63. Хазанов, А.М. Португалия и её империя в эпоху Салазара и Каэтану / А.М. Хазанов. – М.: Издательство института востоковедения РАН, 2015. – 348 с.
64. Хазанов, А.М. Португальская колониальная империя. 1415 – 1974 / А.М. Хазанов. – М.: Вече, 2014. – 384 с.
65. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон [перевод с английского Л.Ю. Пантшой]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 368 с.
66. Шейнис, В.Л. Португальский колониализм в Африке после Второй мировой войны: экономические проблемы последней колониальной империи / В.Л. Шейнис. – М.: Наука, 1969. – 439 с.
67. Шепелев, М.А. Салазаризм как политический стиль / М. А. Шепелев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2022. – Т. 8 (74), № 2. – С. 64-81.
68. Яковлева, Н.М. Португалия: история политической модернизации / Н.М. Яковлева. – М.: ИЛА РАН, 2016. – 209 с.
69. Яковлева, Н.М. 45-летие «Революции гвоздик» в Португалии. Уроки прошлого и современный контент / Н.М. Яковлева // Свободная мысль. – 2019. - №7. – С. 155-167.

70. Amaral, L. A Economia Moderna Portuguesa nos Séculos XX e XXI / L. Amaral. – Lisboa: Palgrave Macmillan, 2019. – 348 p.
71. Bellintani, A.I. Conspiração contra o Estado Novo / A.I. Bellintani. – Porto Alegre: EDIPUCRS, 2002. – 182 p.
72. Gallagher T. Salazar: The Dictator Who Refused to Die / T. Gallagher. London: HURST & COMPANY, 2020. 359 p.
73. Fernandes, S, and Carvalhais, I. “Portugal: A Weak Case for Euroscepticism.” In Euroscepticism in Small EU Member States, edited by Karlis Bukovskis, Riga: Zinatne, 2016. P. 47–60.
74. Flunser Pimentel, I. História da oposição à ditadura em Portugal (1926-1974) / I. Flunser Pimentel. – Lisboa: Figueirinhas, 2014. – P. 425.
75. Pires Jiménez, L.E. Las políticas económicas de la dictadura de Salazar y sus consecuencias en la economía portuguesa // Studia carande: Revista de ciencias sociales y jurídicas. – 2002. – Vol. 7, No. 2. – P. 321-342.
76. Reis Torgal, L. Estados Novos estado novo: ensaios de história política e cultural / L. Reis Torgal. – Coimbra: Imprensa da Universidade de Coimbra, 2012. – 674 p.

III. Электронные ресурсы

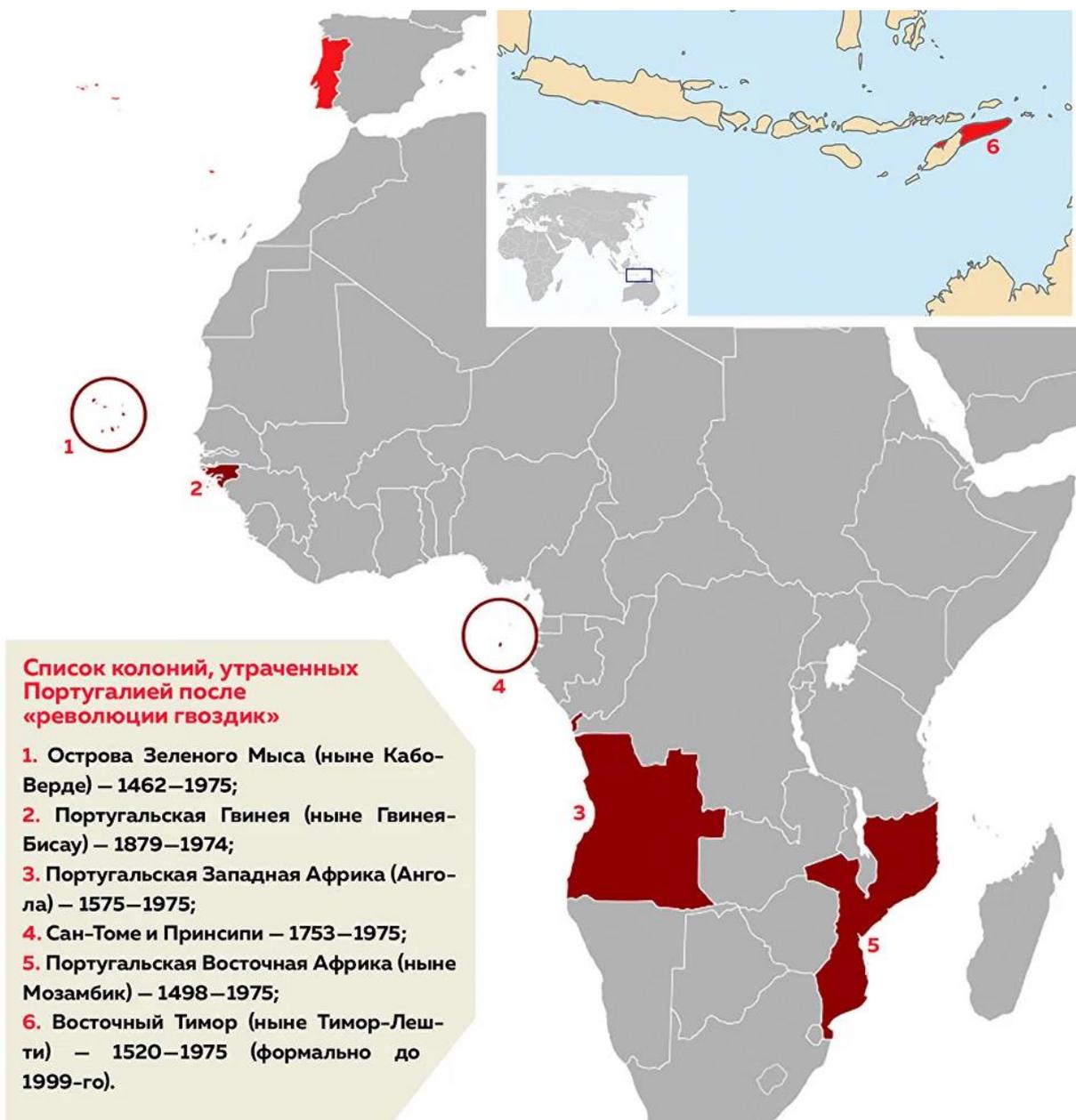
77. Официальный сайт посольства Республики Португалия в Российской Федерации. – URL: <https://moscovo.embaixadaportugal.mne.gov.pt/pt/> (дата обращения: 17.01.2025).
78. Economist Intelligence Unit. Global insights and market intelligence. – URL: <https://www.eiu.com/n/> (дата обращения: 12.05.2025).
79. Comissão Nacional de Eleições (Resultados das eleições presidenciais). – URL: <https://www.cne.pt/content/eleicoes-referendos-resultados-oficiais> (дата обращения: 21.05.2025).

80. Comissão Nacional de Eleições (Resultados das eleições parlamentares para a Assembleia Constituinte). – URL: <https://www.cne.pt/content/legislacao> (дата обращения: 21.05.2025).

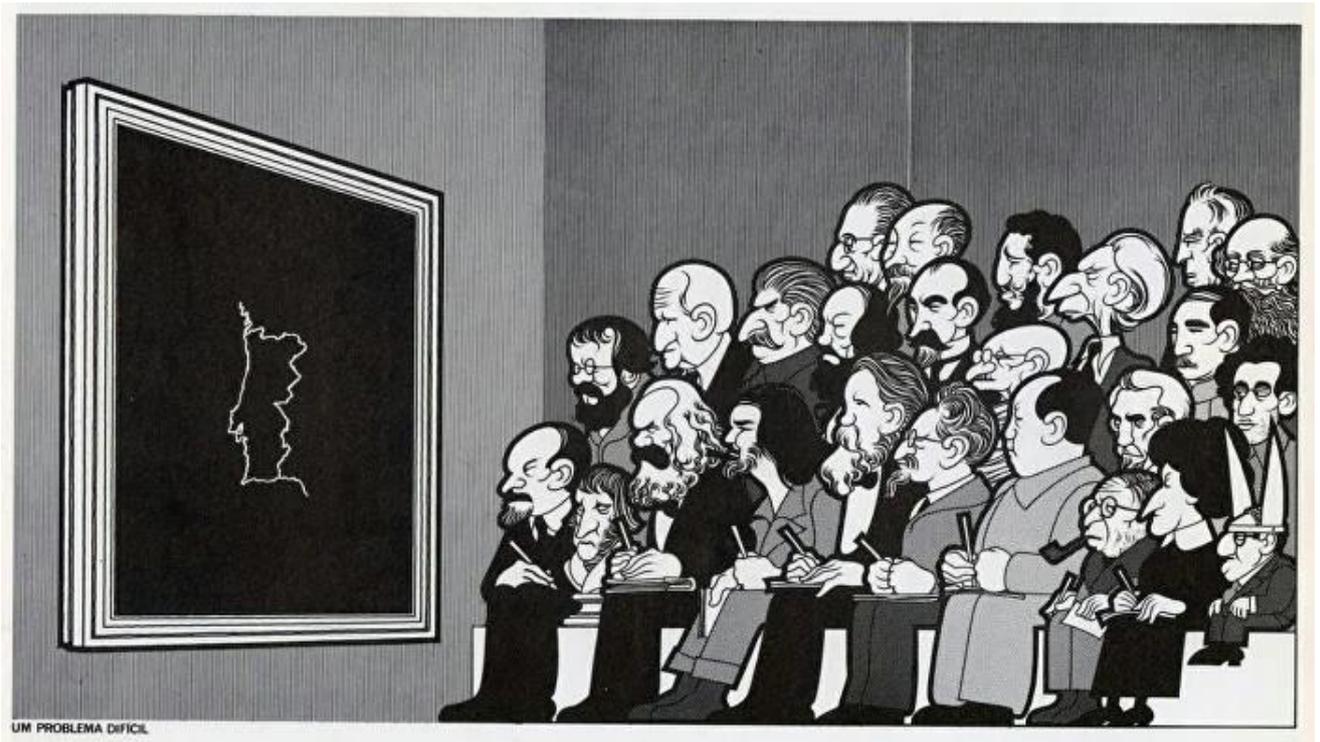
81. Comissão Nacional de Eleições (Resultados das eleições para o Parlamento Europeu). – URL: <https://www.cne.pt/content/eleicoes-para-o-parlamento-europeu> (дата обращения: 21.05.2025).

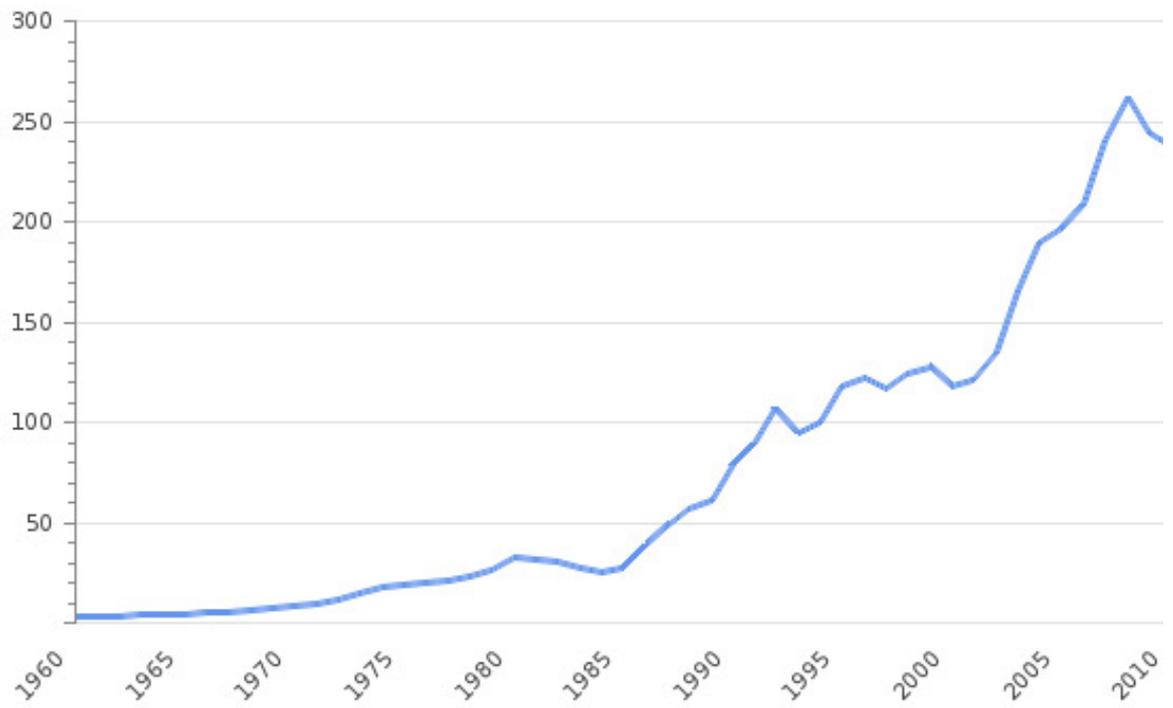
Слева – плакат с ребёнком и гвоздикой, вставленной в дуло автомата (символ «Революции гвоздик» 1974 г.); справа – фото солдат гарнизона Лиссабона в апреле 1974 г.

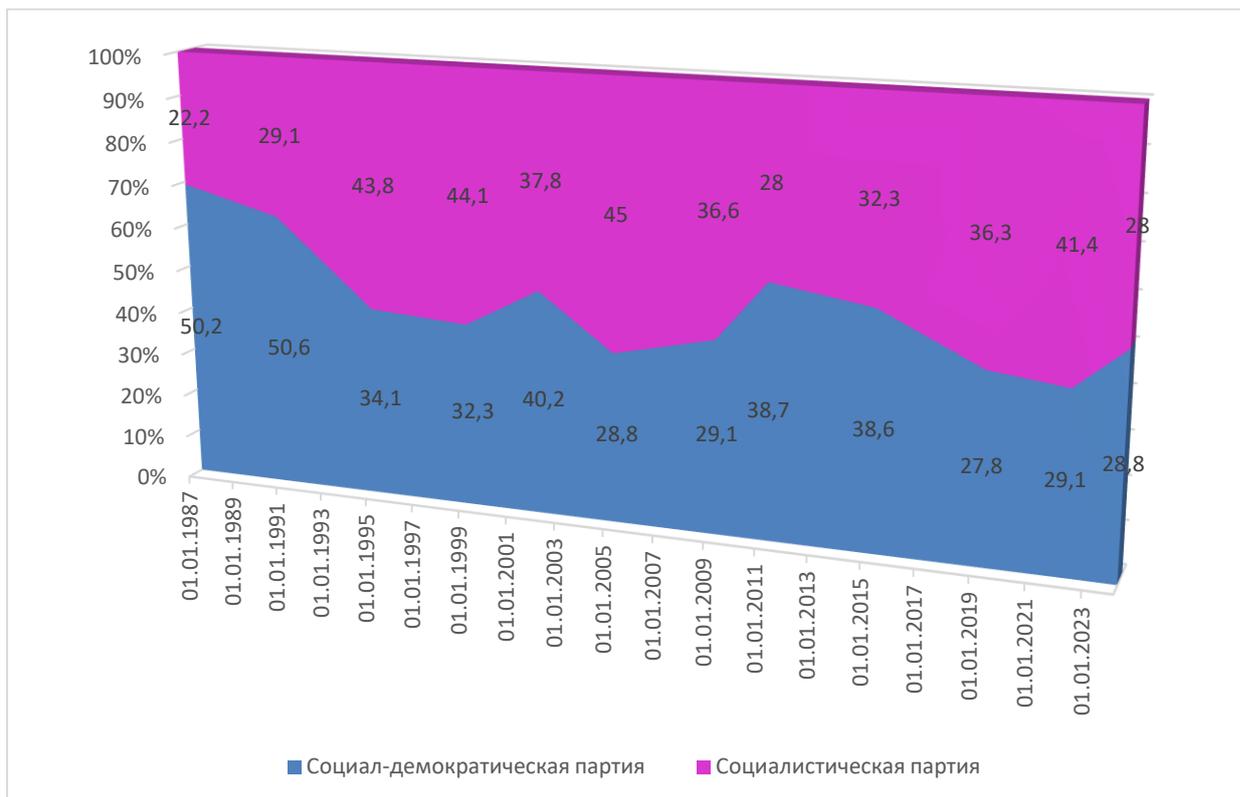
Список колоний Португалии, утраченный после «Революции гвоздик» 1974 г. (с указанием территории на карте)

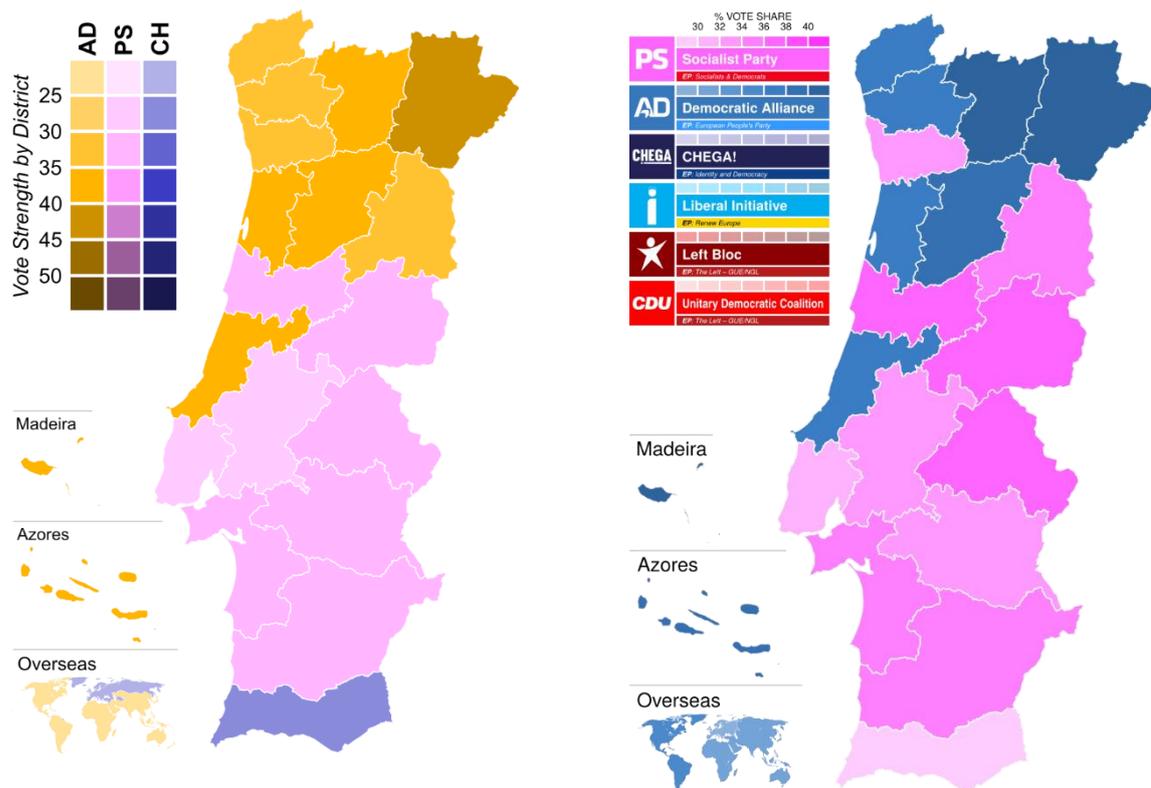
Карикатура «Сложная проблема» португальского художника-карикатуриста Жуана Абеля Манту, 1974 г.

Динамика ВВП Португалии (1960–2010 гг.)

Динамика результатов ключевых политических партий на парламентских выборах в Португалии (1987-2024 гг.)

Слева – территориальное распределение голосов на выборах в Ассамблею Республики (2024 г.); справа – территориальное распределение голосов на выборах в Европейский парламент (2024 г.)